

Ц Ъ П И.

(ПРОШЛОЕ.)

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Соч. кн. А. И. Сумбатова.

(Дозволено безусловно. См. „Правительственный Вѣстникъ“ отъ 17 декабря 1888 г., № 275.)

Представлена въ 1-й разъ въ Московскомъ Императорскомъ Маломъ театрѣ въ 1888—9 году.

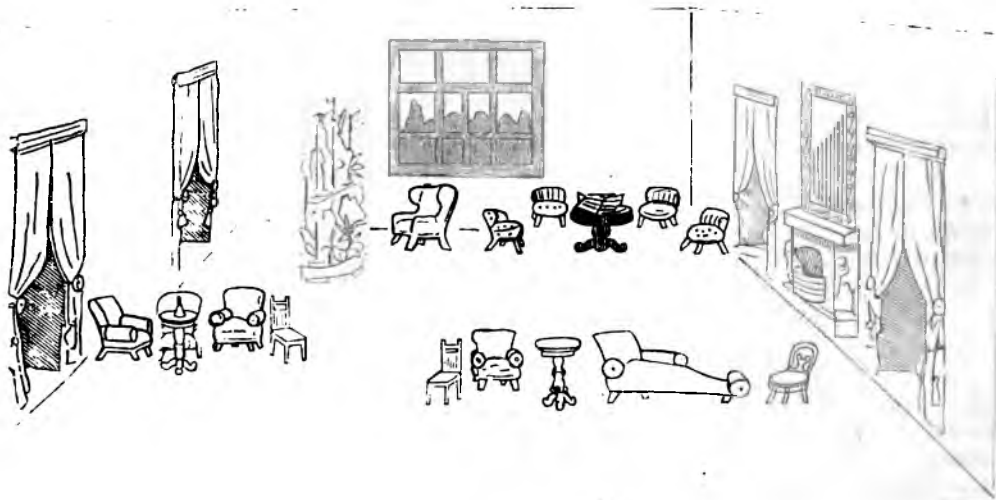
ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

- | | |
|--|--------------------|
| Сергѣй Владиміровичъ Воышцевъ, помѣщикъ, очень богатый, занимается крупными операціями хлѣба и экспортомъ, лѣтъ 42. | г. Рыбаковъ. |
| Нюта (Анна Сергѣевна), его дочь, 17 лѣтъ. | { г-жа Лешковская. |
| Ольга Николаевна Гаранина, лѣтъ 30, живетъ у него въ домѣ. | { г-жа Панова. |
| Аноиса Андреевна Гаранина, ея мать, богатая помѣщица, лѣтъ 55. | г-жа Ермолова. |
| Андрей Андреевичъ Хворостивъ, ея братъ, лѣтъ 60. Нѣкогда занималъ видный постъ за-границей. Одержимъ подагрой, правая нога въ бархатномъ сапогѣ. | г-жа Садовская. |
| Вѣра Андреевна Быкаева, его дочь, лѣтъ 28, молодая вдова. | г. Правдинъ. |
| Курчинъ, Евтихій Васильевичъ, отставной крупный интендантскій чиновникъ, ходитъ въ штатскомъ, но съ военной фуражкой и въ шпорахъ. Складъ фигуры и тонъ военнаго человѣка. | г-жа Потѣхина. |
| Елена Федоровна, его жена, около 30 лѣтъ. | г. Охотинъ. |
| Нина Александровна Воышцева, лѣтъ 40, красивая, очень изящная женщина. Рѣчь и тонъ быстры и энергичны. Манеры безукоризненны. | г-жа Сакофлова. |
| Арина Нахтелеймоновна Мейеръ, ея мать, лѣтъ 60. | г-жа Федотова. |
| Георгій Дмитріевичъ Пропорьевъ, лѣтъ 45, изящный и самоувѣренный тонъ, спокойствіе въ каждомъ движеніи. По всему — человѣкъ бывалый. | г-жа Васильева. |
| Лакей Воышцева. | г. Лекскій. |
| Лакей въ гостиницѣ. | г. Федоровъ. |
| | г. Талановъ. |

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ крупныхъ южныхъ приморскихъ городовъ, въ наше время. — Въ четыре дѣйствія происходятъ въ одинъ день.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Большая гостиная, очень изящно и красиво убранная. Смѣшанная мебель разбросана по всей комнатѣ. Въ глубинѣ итальянское окно, настежь открытое, въ которое виденъ большой садъ. По двѣ двери направо и направо отъ зрителя. Яркій весенній день; часовъ 11 утра.



ЯВЛЕНИЕ I.

Ольга Николаевна. *въ легкомъ осеннемъ платьѣ, и Нюта, въ гимназической формѣ съ большимъ передникомъ и большой пелериной, входятъ справа *).*

Ольга Никол. Да поспѣешь, говорю тебѣ, поспѣешь!

Нюта. Ольга Николаевна, душечка, у насъ ровно въ 12 назначено. Попечитель пріѣдетъ, соберутся всѣ, вдругъ опоздаю.

Ольга Никол. Сейчас заложать, милая.

Нюта. Отчего вы не хотите ѣхать со мной? На актъ всѣхъ родственниковъ пускаютъ, а вы... дорогая моя, вы мнѣ ближе всѣхъ, всѣхъ на свѣтѣ. Поѣдьте, Ольга Николаевна! Вы скоро такъ одѣваетесь, въ пять минутъ...

Ольга Никол. Я не могу, Нюта. Мнѣ нездоровится. Потомъ, я съ вашей начальницей незнакома.

Нюта. И не нужно. Я скажу, что я съ моей... съ моей... что вы моя... Да туда всѣхъ пускаютъ!

Ольга Никол. Нѣтъ, Нюта, нельзя, нельзя! Ты знаешь, я нигдѣ не бываю... Тебя папа отвезетъ.

Нюта. Ну, нечего дѣлать. А очень жаль... Мнѣ бы такъ хотѣлось... чтобы были вы, именно вы... Сегодня для меня такой важный день, Ольга Николаевна. Знаете, я передъ вами скрываться не буду: я этого дня и ждала, и боялась.

Ольга Никол. Чего же было бояться, Нюта?

Нюта. Какъ вамъ сказать? Трудно очень... Была я гимназистка, какъ гимназистка, такъ себѣ: ни рыба, ни мясо... *(Смѣется.)* Учащаяся молодежь! А теперь ужъ шабашъ! Въ жизнь вхожу. Ну, и конечно—страшно.

Ольга Никол. Что же страшнаго-то, вотъ я и не понимаю.

Нюта. Вы-то, конечно, не поймете. Еслибъ я была такая, какъ вы... твердая, умная, сильная, спокойная... А я... я въ себѣ ни минуты не увѣрена, хорошо ли, дурно ли я дѣлаю. Меня иногда такой вихрь охватить, поднимется что-то съ души, и пойдутъ у меня мысли за мыслями... Никакъ я въ нихъ не разберусь... *(Таинственно)* Иногда мнѣ—особенно вотъ это меня мучаетъ—подвига какого-нибудь хочется, страданія какого-нибудь... Вотъ вы мнѣ о сестрахъ милосердія рассказывали... А иногда думается... куда мнѣ? На что я гожусь? Я веселая, я живая...

Ольга Никол. И слава Богу, милая дѣвочка.

Нюта. Нѣтъ, нѣтъ... Вотъ еслибы не мама...

Ольга Никол. Что мама? *).

Нюта. Еслибы я была увѣрена, что мои страхи и всякія такіе мысли—вздоръ... А то...

Ольга Никол. *(со страхомъ.)* Ну, что же?

Нюта. Все мнѣ думается, какъ-то она... Я ее какъ сквозь сонъ помню... Красивая она была... веселая такая... все меня возила кататься... потомъ уѣхала... папа говоритъ, что

*) Указанія отъ зрителя. Нюта, О. Н.

*) Переходить. О. Н., Нюта.

она живетъ за-границей... Отчего она мнѣ никогда не пишетъ? Она не любитъ меня... (*Внезапно сильно обнимаетъ Ольгу Николаевну.*) А вы... вы меня любите, моя Ольга Николаевна?

Ольга Никол. (*горячо*). Люблю, моя дѣвочка.

Нюта. А помните, какъ послѣ отъѣзда мамы... что мнѣ лѣтъ пять было, однако я хорошо это помню... вы меня встрѣтили съ няней... въ саду... Взяли къ себѣ, а Анюса Андреевна расплакалась и приказала мнѣ ее бабушкой называть... Какъ потомъ папа меня такъ часто возилъ къ вамъ и долго... лѣтъ до десяти, я думаю, а потомъ вы къ намъ перѣѣхали... Помните?

Ольга Никол. Помню.

Нюта. А помните, какой нашъ домъ тогда мрачный, молчаливый, скучный такой былъ... А теперь... любу, какая игрушка! Я бы теперь только на за-границу его и промѣняла... Мнѣ тутъ каждый уголокъ дорогъ. (*Смѣясь*) Знаете, до чего? Если мнѣ что-нибудь хорошенько обдумать надо, такъ я иначе не могу, какъ вонъ на томъ креслѣ, у окна, и чтобы въ садъ смотрѣть; чего я тутъ ни передумала, особенно объ васъ.

Ольга Никол. Обо мнѣ?

Нюта. Да. Мнѣ бы одного хотѣлось... быть такой, какъ вы... Это очень трудно... А я знаю... вамъ иногда очень тяжело...

Ольга Никол. Мнѣ? Нюта, съ чего ты это взяла? *

Нюта. У васъ въ глазахъ иногда такая тяжелая, такая нехорошая тоска... Что мнѣ сдѣлать, чтобы этого никогда не было?

Ольга Никол. Люби меня всегда, что бы ни случилось, такъ, какъ любишь теперь. Больше мнѣ ничего не надо.

Нюта (*горячо*). Всегда, всегда, что бы ни случилось...

(*Входитъ Волинецъ съва, изъ своей половины*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Волинецъ **).

Волинецъ. Нюточка, ѣдемъ. Я готовъ.

Нюта. Ёдемъ, папа. Я ужъ думала, ты никогда не выйдешь... Просила Ольгу Николаевну со мной поѣхать... да она такая неговорчивая. (*Цѣлуетъ ее.*) Ну, папа, ѣдемъ... (*Входитъ Анюса Андреевна справа, изъ половины Ольги.*)

*) Переходить. Нюта, О. Н.

**) В., Н., О. Н.

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же и Анюса Андреевна

(*съ узкой и длинной тетрадью въ рукахъ, въ темномъ шелковомъ капотѣ, съ массой ключей у пояса* *).

Анюса Андр. А со мной и проститься не надо?

Нюта. Бабушка, да вѣдь я ужъ была у васъ.

Анюса Андр. (*цѣлуетъ ее*). Ну, съ Богомъ! Получай свои награды, да и поскорѣ назадъ. Стой!... А бала у васъ не будетъ?

Нюта. Нѣтъ, у васъ не бываетъ. У начальницы вечеромъ соберемся и попляшемъ ма- шерка съ машеркой. Только и всего.

Анюса Андр. Это еще какія машерки?

Нюта. Наши гимназистки, кто за дамъ, кто за кавалеровъ.

Анюса Андр. (*заливаясь громкимъ смѣхомъ*). Ахъ, егозы вы, егозы... Что выдумаютъ...

Нюта. Ну, я исчезаю (*въ дверь*). Папа, что-жъ ты? **).

Волинецъ. Сейчасъ!... (*Цѣлуетъ руку Анюсы Андреевны и Ольги Николаевны*) Я завезу Нюту, а оттуда заѣду къ Андрею Андреевичу; черезъ четверть часа мы оба будемъ и рѣшимъ, какъ лучше поступить.

Нюта (*въ дверь* не терпѣливо). Ну, папочка, опоздаемъ!

Волинецъ. Ёдемъ, дѣтка моя! (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Анюса Андреевна и Ольга Николаевна ***).

Анюса Андр. Зачѣмъ это ему вздумалось брата цѣловать?... Небось, самъ вотъ ужъ двѣ недѣли глазъ не кажетъ. Чего-жъ намъ-то навязываться...

Ольга Никол. Дядя—осторожный человекъ.

Анюса Андр. Да что мы, зачумленные какіе, прости Господи, что ли? Чего съ нами осторожничать? Нѣтъ, ужъ ты коли родственникъ, такъ родственникомъ и будь, а не хочешь—скатертью дорога, на всѣ четыре стороны! Мы ни въ комъ не нуждаемся.

Ольга Никол. Ну, мама, довольно. Подождемъ ихъ отъѣзда, тогда все подробно обсудимъ.

Анюса Андр. Знаю я эти подробности. Приѣдетъ лисица старая, поидетъ хвостомъ вилать. Да и о чемъ тутъ толковать? Не обращать никакого вниманія, да и все тутъ! ****).

Ольга Никол. Еслибъ дѣло шло только о насъ съ вами, мама, такъ бы и было. Но тутъ Сергѣй Владимировичъ страдаетъ. Ему, по его

*) В., Н., А. А., О. Н.—въ глубинѣ.

**) Н., В., А. А., О. Н.

***) А. А., О. Н.

****) Переходить: О. Н., А. А.

обширными дѣлами, приходится каждый день сталкиваться съ разными дразгами. И это бы ничего. Но для Нюты, мама, для Нюты надо найти какой-нибудь исходъ. Я боюсь каждой минуты, покою не знаю. Недавно она возвращалась съ экзамена, встрѣтила мамаше Курчину. Эта госпожа подошла къ ней, проводила ее до дому и всю дорогу осыпала сожалѣніями, вздохами, вспоминала ее мать, которую она знала гдѣ-то въ Петербургѣ или на водахъ, упрекала отца въ слабости, а меня... что она про меня говорила, я прямо просила Нюту и не рассказывать. Дѣвочка на себя была не похожа. Хорошо, что она успѣла ко мнѣ привязаться и полюбить меня. Ее возстановляютъ противъ меня и открыто, и анонимными письмами. Стараются поставить меня между ею и отцомъ... Наконецъ, недавно въ одномъ изъ такихъ писемъ прибѣгли прямо ко лжи, къ наглой лжи. Написали, будто я была причиной разрыва Сергѣя Владимировича съ его матерью.

Анонса Андр. (*очень взволнованная*). Ты? Да ты его и въ глаза не видала при женѣ. Мы и познакомились-то съ нимъ чуть не годъ спустя, какъ она отъ него убѣжала.

Ольга Никол. Счастье, что Нюта помнитъ это...

Анонса Андр. Ахъ, безсовѣстные люди! Ахъ... Вѣдь мнѣ же тогда сообщали эту новость въ перегонку, захлебываясь, а я и знать не знала, какая это такая госпожа Волинцева. Слышала только фамилію... Мерзавцы!

Ольга Никол. Мнѣ до нихъ нѣтъ дѣла, чѣмъ бы они меня ни осыпали, какую бы грязь ни пускали въ ходъ,—она меня не замазаетъ. Я другого боюсь.

Анонса Андр. Чего еще, Ольгуша?

Ольга Никол. Нюта меня пугаетъ... То осыпаетъ меня ласками, проситъ позволенія называть меня мамой, то пѣлыми днями молчить, сторонится отъ меня, и вижу я, что ее мучаетъ любовь ко мнѣ, точно эту любовь она отнимаетъ у другой, которая одна имѣетъ на нее безусловное право... Это можетъ кончиться ужасно.

Анонса Андр. Что ты... что ты...

Ольга Никол. Если я увижу, что мое счастье—причина ея страданій, я вынести этого не смогу, мама... Я должна буду уѣхать. Я дорого купила свое право любить ее отца; но если случится, чего я боюсь, для меня все будетъ ковлено.

Анонса Андр. Какая ты, Оля, нервная стала... Развѣ можно отъ Нюты этакого ожидать...

Ольга Никол. Это въ ней вырастаетъ противъ воли.

Анонса Андр. (*всклинувъ*). Ну, ужъ это сущая, матушка, ерунда, извини ты меня, философія и фантазія.

Ольга Никол. Неужели? Рада я, если это

такъ. Всѣ эти дразги нашихъ друзей, знакомыхъ и незнакомыхъ, довели меня до того, что мнѣ, Богъ знаетъ, что стало мерещиться. Все мое спокойствіе ушло куда-то... Надо овладѣть собой и стать прежней... Что это за тетрадь у васъ?

Анонса Андр. А это записи, сколько моего и твоего хлѣба отпущено Сергѣю Владимировичу. Проверить надо. Возьми-ка счеты да садись. Нѣтъ, матушка, никакого лѣкарства лучше работы. Всякіе нервы уюмонятся... (*Ольга Николаевна беретъ счеты.*)

Ольга Никол. Правда, мамочка. Ну, говори тебѣ *).

Анонса Андр. (*надѣвъ очки и похлопавъ изъ табакерки*). Господи благослови! Отпущено 17 апрѣля Никономъ 420 четвертей.

Ольга Никол. 420.

Анонса Андр. Отпущено 29 апрѣля Никономъ 318 четвертей.

Ольга Никол. 318.

Анонса Андр. Сколько это будетъ?

Ольга Никол. (*не глядя на счеты*). 738.

Анонса Андр. Нѣтъ, ты мнѣ по-понамариному не докладывай. Посмотри на счеты да и скажи.

Ольга Никол. (*улыбаясь*). 700... 30... 8...

Анонса Андр. Ну, клади дальше... Отпущено 8 мая Никономъ... (*Входятъ Волинцевъ и Хворостневъ.*) А, братецъ дорогой! Милости просимъ! Что давненько не жаловали?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Хворостневъ и Волинцевъ **).

Хворостневъ (*цѣлуя руки дамамъ*). Все проклятая подагра. Просто хотъ кричи... (*Усаживаясь поудобнѣе*) Ээ... охо... хо... Ну, какъ вы поживаете? Ты все, Олечка, хорошеешь и молодеешь... Охо... хо... (*Садится въ кресло рядомъ съ кушеткой.*)

Анонса Андр. Сразу и навралъ. Она послѣдніе дни совсѣмъ осунулась.

Хворостневъ. Ну, ну, я съ тобой ве расположень спорить. Я не въ духѣ сегодня... Гдѣ Анна Сергѣевна?

Анонса Андр. Анна Сергѣевна? Экій ты лощенный, словечка у тебя въ простотѣ не скажется. Какая Нюточка Анна Сергѣевна для моего брата, коли я ее внучкой зову? Нѣтъ въ тебѣ этой теплоты,—нѣтъ, одна дипломатія...

Хворостневъ. Ахъ, сестра, невозможная ты собесѣдница.

Анонса Андр. Ну, ну... Кофею хочешь?

Хворостневъ. Только пожалуйста слабенькаго... четверть чашки кофе, остальное воды, поменьше сахару и совсѣмъ безъ цикорію.

*) Переходятъ. А. А., О. Н.—обѣ на кушеткѣ сидѣли.

**) В., Х., А. А., О. Н.

Анонса Андр. *(звонитъ)*. Ладно, что ты тутъ аптеки устраиваешь? Какой всё будешь пить, такой и ты... *(Входитъ лакей.)* Подавай-ка, батюшка, кофе *).

Хворостневъ. Оля, гдѣ же Анна Сергѣевна? **Ольга Никол.** Она на актѣ. Сегодня нѣтъ дипломы выдаютъ.

Хворостневъ. Удачно кончила?

Волинцевъ *(съ нѣкоторой гордостью)*. Второй ученицей.

Хворостневъ. Душевно радъ и поздравляю. *(Лакей вноситъ четыре чашки на поднось.)*

Анонса Андр. *(ему)*. Андрею Андреевичу какъ налить?

Лакей. Какъ всегда приказываете. Жидко-съ.

Анонса Андр. Ступай себѣ. *(Лакей уходитъ.)*

Хворостневъ *(отхлебывая изъ чашки, въ которую отсчиталъ изъ пузырька нѣсколько капель)*. Ну-съ, Сергѣй Владиміровичъ, о чемъ вы хотѣли со мной поговорить?

Волинцевъ *(останавливается)*. Дѣло очень серьезное и важное. Мы съ Ольгой Николаевной рѣшили сообщить его вамъ и Анонсъ Андреевичъ и спросить вашего мнѣнія.

Анонса Андр. *(тревожно)*. Что еще такое выдумали? Что за семейный совѣтъ? Случилось что, такъ говорите прямо.

Волинцевъ. Новаго ничего не случилось... Оставаться здѣсь совершенно невозможно.

Анонса Андр. Что-о? Рехнулся ты, милый?

Волинцевъ. Невозможно, Анонса Андреевна. Я не смѣю больше заставлять и ее, и Нюту жить здѣсь. Нашихъ отношеній намъ не прощаютъ. Никому нѣтъ дѣла, что жена моя бросила дочь пятилѣтнимъ ребенкомъ и едва помнить о ней, но каждый считаетъ себя оскорбленнымъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ тѣмъ, что Ольга Николаевна смѣла полюбить несвободнаго человѣка и стать матерью брошенной дѣвочки. Вправдѣ ли я былъ принятъ эту жертву—другой вопросъ, но не принять ее не было силъ **).

Анонса Андр. Чего ты эти древнія исторіи завелъ? Зла ты никому не сдѣлалъ. Жены ты отъ себя не отлучалъ, сама тебя покинула, бросила дочь сиротой. И Нюта не въ забросѣ выросла, а на женскихъ, любящихъ рукахъ, веселая, бодрая, умная. Не привелъ меня Богъ васъ подъ вѣнецъ благословить. Такъ ужъ это мое горе, мое и ничье больше... Я его сама Господу Богу понесу. А все-таки лучше открыто и прямо нести свой грѣхъ, чѣмъ на разные обходы пускаться.

Волинцевъ. Не всё такъ смотреть, Анонса Андреевна!

*) Лакей, Х., А. А., О. Н.; В. ходитъ въ глубинѣ.

**) Садится на стулъ рядомъ съ Хворост. В., Х., А. А., О. Н.

Анонса Андр. *(сердито, встѣпчиво)*. А мнѣ что за дѣло? Я такъ смотрю. И кто иначе смотреть, того для меня и нѣтъ совѣсть. Нѣтъ, да и все тутъ!

Хворостневъ. Принципіально ты права, сестра. Но кромѣ принциповъ существуетъ цѣлый рядъ требованій, и очень настоятельныхъ, со стороны общества... Пожалуй, отрицай ихъ сколько хочешь, но они все-таки существуютъ и, въ свою очередь, отрицаютъ твои принципы.

Анонса Андр. А я по своей совѣсти живу. Да и кто же смѣетъ судить мою дочь, коли я, мать, не то что судить, а и жалѣть ее не смѣю? Изъ нашего роду, батюшка, были такія, что за мужьями въ Сибирь шли, и такія, что всю жизнь крестъ несли, а мужей не бросали. Нашлась теперь такая, что плюнула на сплетни, пересуды, да дипломатія всякія, полюбила брошеннаго хорошаго человѣка, полюбила его дочь, какъ свою родную, да безъ обмановъ и прикрышекъ пришла и сказала матери: люблю, молъ, и онъ меня любить, жениться на мнѣ не можетъ, а другъ безъ друга нѣтъ намъ жизни. Простите!—Прощаю!...

Хворостневъ. Сестра, удержи потокъ краснорѣчія. Не меньше тебя люди смыслятъ; если говорить, что имъ оставаться нельзя, значить лирическія и этическія тирады не помогутъ. Надо обсудить вопросъ всесторонне: что васъ заставило принять это рѣшеніе?

Волинцевъ. Вы помните скандалъ, вызванный шагомъ Ольги Николаевны. Посыпались сплетни, мелкія оскорбленія, на которыя нельзя отвѣчать, намеки, анонимныя письма, умышленныя колкости.

Анонса Андр. Ну да, дипломатія...

Волинцевъ *(заминая стѣмку)*. Я тогда же предлагалъ уѣхать отсюда. Она,—вы помните,—отказалась на отрѣзъ *). Словъ ее я никогда не забуду: я сдѣлала то, что должна была сдѣлать,—послѣдствія я предвидѣла,—и бѣжать они меня не заставятъ.

Ольга Никол. Я и теперь это повторяю.

Волинцевъ *(цѣлуя ее руку)*. Знаю, милая. Но оставаться теперь—значитъ самимъ накликалъ на себя бѣду.

Хворостневъ. Почему?

Волинцевъ. Успѣхъ моихъ дѣлъ создать цѣлую группу положительно враждебную мнѣ. Съ другой стороны, Ольга Николаевна давно порвала всякія сношенія съ нашими кругомъ, чтобы избавиться отъ колкостей и намековъ. При нашихъ средствахъ, при нашихъ родственныхъ связяхъ намъ этого не прощаютъ. И мнѣ, и ей, пожалуй, было бы совершенно безразлично, какъ къ намъ относится нашъ мѣстный большой свѣтъ, но... Нюта выросла.

*) Ольга Н. переходитъ и останавливается за стуломъ В. В., О. Н., Х., А. А.

Заставлять ее жить той же обособленной жизнью, какой живем мы, я не имѣю права; ввести ее въ общество—значить прямо идти на самыя тяжелыя послѣдствія. Всѣ наши враги,—а имъ и числа нѣтъ, вы знаете,—видать теперь въ Нютъ самое дѣйствительное орудіе противъ насъ. Только этихъ можно объяснить, что въ послѣднее время затихшая была злоба вспыхнула съ новой силой. Точно не семь лѣтъ, а какихъ-нибудь семь дней прошло съ того времени, какъ Ольга Николаевна, не желая никакихъ компромиссовъ, открыто перешла ко мнѣ.

Хворостневъ. Ну, ну... Я тогда же говорилъ, что дразнить не надо. Можно было это... обойти...

Анонса Андр. Да я бы ее проклала, кабы она обходить стала!..

Хворостневъ (*затыкая уши, Волынецву*). Эта почтенная старушка способна ангела вывести изъ себя. Здравая логика ей чужда окончательно! Continuez, je vous en prie.

(*Анонса Андреевна хочетъ говорить и только машетъ руками*).

Волынецвъ. Скандалъ первыхъ дней обратился теперь въ систематическое преслѣдованіе, въ какую-то подпольную войну, гдѣ средствъ не разбираютъ. На имя моей дочери получаютъ анонимныя письма, въ которыхъ ей совѣтуютъ бѣжать изъ дома для спасенія репутаціи. На меня летятъ доносы къ губернатору. На каждомъ шагѣ мерзости, гнусныя, лакейскія колкости,—словомъ, неувимая, общая ненависть, назрѣвшая годами, разъяренная нашимъ презрѣніемъ. Чѣмъ отвѣчать на это? Можно бороться противъ открытаго врага, можно дать пощечину и драться за явное оскорбленіе, но тутъ нѣтъ нападенія, тутъ сплетена цѣлая сѣть, которая тѣмъ сильнѣе захлестываетъ свои петли, чѣмъ сильнѣе изъ нея рвешься. Тутъ не со львомъ, не съ тигромъ имѣешь дѣло, а со спрутомъ, мягкимъ, липкимъ, омерзительнымъ, который охватилъ тебя тысячею своихъ щупальцевъ, по которому безвредно скользить всякій ударъ. Бѣжать надо. Силъ больше нѣтъ!

Хворостневъ (*послѣ долгаго молчанія*). Ну-съ, а какъ же ваши дѣла?

Волынецвъ. И давно уже подготавливаю ликвидацію.

Хворостневъ. Ваша жена не склонна дать вамъ разводъ, если вы заплатите ей крупную сумму?

Волынецвъ. До сихъ поръ всѣ переговоры не вели ни къ чему.

Хворостневъ. Вамъ извѣстны причины скупости?

Волынецвъ. Мнѣ кажется, главная—отвращеніе къ процессу.

Хворостневъ (*развѣтливо усмѣхаясь*).

Странная щекотливость! Еще вопросъ: прибѣгали ли вы къ мѣрамъ понудительнымъ,—напримѣръ, къ отказу выдать ей видъ на жительство или къ угрозѣ начать противъ нея процессъ?

Волынецвъ. Этого не хотѣла Ольга Николаевна.

Хворостневъ (*вставая*). Въ такомъ случаѣ, уѣзжайте *).

Анонса Андр. Уѣзжайте... Ахъ ты безбожникъ! Да какъ ты... Тебѣ все равно, весь вѣкъ свой брюзгой-бобылемъ прожилъ. И дома то у тебя настоящаго не было: то ты въ Японіи, то ты въ Бразиліи, дочь въ национѣ! Путная вышла, оставшись безъ матери на второмъ году отъ рожденія, нечего сказать. Такъ тебѣ все равно, что я изъ-за вашихъ тутъ всякихъ конференцій одна кикиморой останусь «Уѣзжайте»... Да кто тебя спрашиваетъ?.. Не даромъ у меня сердце замерло, какъ я тебя увидала, Талейранъ ты этакій!

Хворостневъ (*методически, очень извѣстительно*). Вопервыхъ, никакого сердца у тебя не замирало; вовторыхъ, Талейранъ вовсе не бранное слово, и зарядъ твой пропалъ даромъ; наконецъ, въ третьихъ, ты, сестра, удивительно совмѣщаешь въ себѣ видъ довольно почтенной особы и микроскопическій разсудокъ птички колибри.

Анонса Андр. (*желая прискать сравненіе поизвѣстнѣе*). А вы, ваше превосходительство, удивительно совмѣщаете въ себѣ... ядовитость... ядовитость... и... (*Окончательно разсердившись*) Змѣй удавь! Вотъ тебѣ!

Хворостневъ (*раздражительно*). Ну-съ, мы дойдемъ до апогея.

Анонса Андр. А хоть до самого сената доходи, не испугаешь.

Хворостневъ. Легче лбомъ въ стѣну гвозди вколачивать, чѣмъ подѣйствовать на эту голову словомъ убѣжденія **). (*Вооружаясь терпѣніемъ*) Сестра, изощри свое пониманіе: людей травятъ. Понимаешь?—завѣдомо травятъ. Постигла? Проникло сквозь эту твердь? (*Стучитъ себя по лбу*.)

Анонса Андр. Прошу говорить деликатно!

Хворостневъ (*мягко*). Очень радъ, милая, что ты сама объ этомъ просишь. Видишь ли, тутъ середины, любезнѣйшая...

Анонса Андр. Нечего, батюшка, подѣзжать. Милая да любезная, а въ голосѣ интрига...

Хворостневъ (*въ высшей степени раздражительно*). Ну, матушка, говори одна ***).

Анонса Андр. Ты отъ меня единственную дочь оторвать хочешь. Такъ не быть этому! Коли ѣхать, сама съ ними поѣду! Что взять?!

*) Переходить. Всѣ встаютъ. Х., В., О Н. въ глубинѣ, Ам. А.

**) Переходить В., О. Н., Х., А. А.

***) Переходить В., Х., О. Н., А. А.

Хворостневъ. Народное бѣдствіе: Анонса Андреевна насъ покидаетъ!

Ольга Никол. Мама, вы серьезно?

Анонса Андр. Нельзя серьезнѣе... Не бросите же вы меня ему на съѣденіе. Правда твоя, Сергѣй Владиміровичъ. Отъ этакіхъ людей одно спасеніе: бѣжать. Я давно говорила.

Ольга Никол. Мама, милая, вѣдь это же вамъ тяжело. На старости лѣтъ новая жизнь, новые люди... Я и надѣяться не смѣла... Господи, всѣ виѣстѣ и далеко отъ всего этого... Мама, какъ я счастлива!

Анонса Андр. Гдѣ ты, Оля, тамъ и я. *(Цѣлуются.)*

Хворостневъ *(Волынцеву).* Хорошая женщина, но какъ Господь обдѣлилъ! Невозможно постигнуть логическаго теченія ея мысли! А уѣзжать... *(Задумывается.)* Уѣзжать настоятельно нужно. Наше общество слишкомъ зло, чтобы простить, и слишкомъ глупо, чтобы понять вѣкоторыя невольныя отступленія отъ общепринятыхъ взглядовъ. Передѣлать его невозможно, уживаться трудно, оторваться—слѣдуетъ... *(Подавая руку)* Съ Богомъ! Не забывайте старика... и... *(Киваетъ головой на сестру)* скудельную берегите... *(Къ дамамъ)* До свиданія! *(Идетъ къ двери.)*

Анонса Андр. Господинъ Хворостневъ!

Хворостневъ. Ен?

Анонса Андр. Что за э? Нельзя сказать: что прикажете, сестрица? *(Хворостневъ усмехается.)* Извольте велѣть написать отъ меня довѣренность на ваше имя.

Хворостневъ Какого рода?

Анонса Андр. На управленіе имѣніями. Да полную... какъ тамъ пишется? Только въ началѣ чтобы стояло не: «Любезный братецъ», а милостивый государь! Теперь можете идти... *(Входитъ Нюта.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Нюта.

Нюта. Вотъ и я! А вотъ и мои трофеи. *(Бросаетъ на столъ свертокъ бумагъ.)* Медальерка! Принимаю поздравленія! *(Здоровается съ Хворостневымъ. *)*

Хворостневъ. Поздравляю отъ всего сердца, хотя и не сомнѣвался въ вашемъ торжествѣ.

Нюта. Папочка, голубчикъ... ты чуть-чуть сейчасъ дочери не лишился. *(Общая тревога. *)*

Анонса Андр. Что?! Господи, какъ... Ахъ... Лошади, что ли, повесли? Вотъ ты, Сергѣй Владиміровичъ, всегда намудришь! Говорила я тебѣ, вели моихъ запрягать, такъ нѣтъ, любить Нюта быструю ѣзду... Скажите, какая надобность...

(Ольга Николаевна тревожно все время говорила съ Нютой тихо.)

Нюта. Да нѣтъ, бабушка, нѣтъ... Я пѣшкомъ прибѣжала. Выхожу, вижу—коляски еще нѣтъ... Что же тутъ—двѣ улицы перебѣжать... Хотѣлось поскорѣе домой, похвастаться поскорѣе хотѣлось...

Анонса Андр. И одна побѣжала? Да какъ ты посмѣла?! Вотъ, Оля, видишь? Видишь? Говорила я тебѣ, не пускай одну... Такъ нѣтъ, что это за парадъ, съ лакеемъ въ хвостѣ... Нюта не любитъ, никто не обидитъ... Ахъ, наказаніе мое эти ваши новые порядки!... Говорила я...

Хворостневъ. И очень много говорила, дай теперь Аниѣ Сергѣевнѣ поговорить. Вѣдь всему міру извѣстно, что если не послушаться Анонсы Андреевны, то моръ, гладъ и потопъ наступятъ въ томъ же году...

Анонса Андр. Господи, что за ядовитое созданіе!...

Нюта. Бабушка, вы не сердитесь, милая. Это одна случайность. Я бы и не рассказывала, да ужъ очень любопытно. Перехожу я черезъ улицу, а сама ногъ подъ собой не слышу—такъ вотъ, кажется, кабы крылья, и полетѣла бы сюда... Вдругъ надъ самымъ ухомъ: берегись! берегись! Вскинула я глазами—какъ разъ надо мной кучеръ совсѣмъ, совсѣмъ лошадей осадилъ... Я взвизгнула, да такъ и присѣла отъ страху. Вижу, въ коляскѣ дама, красивая такая, кричитъ кучеру: раздавилъ кого-нибудь?... тотъ пробормоталъ что-то въ отвѣтъ, щелкнулъ возжами, да передъ самымъ моимъ носомъ, вотъ какъ вы, бабушка, и пролетѣлъ выхрепъ. А дама эта бросила на меня какой-то полупрезрительный взглядъ и какъ ни въ чемъ ни бывало откинулась назадъ. *(Волынцевъ отходитъ въ глубину и садится въ кресло. *)*

Анонса Андр. Ахъ, уродъ этакій!

Нюта. Какъ уродъ! Что вы! Красавица! Не такъ какъ вы, Ольга Николаевна, а совсѣмъ иначе: важная, гордая такая и видно, что все ни почему, лишь бы самой хорошо было.

Хворостневъ *(садясь на стулъ).* Что за странность. Никто изъ нашихъ подъ это описаніе не подходитъ.

Нюта. Навѣрно не изъ нашихъ. У нашихъ такихъ экипажей нѣтъ: лошади съ наглазниками, безъ сбруи, однѣ ностромки, кучеръ въ ливрѣѣ, и экипажъ какой-то этакій... вотъ такъ высоко... а тутъ... Ну, я не умѣю, только удивительный экипажъ.

Хворостневъ *(съ любопытствомъ).* Кабриоль... C'est une étrange enfil.

Анонса Андр. Какая же этранжеръ, коли по-русски говорить. Все-то ты съ закорючками. *(Переходитъ къ нему. **)*

*) В., Х., Н., А. А., О. Н.

**) Х. В., Н., О. Н., А. А.

*) Х., Волынцевъ въ глубинѣ, Н., О. Н., А. А.

**) Х., А. А., В. въ глубинѣ, Н., О. Н.

Ольга Никол. Да кто бы она ни была, все равно. Ты не испугалась?

Нюта. Вот еще трусику нашли! Не знаю, что мнѣ дастъ жизнь впереди, но я ничего не боюсь. Чѣмъ труднѣе, тѣмъ лучше.

Волюнцевъ. Ну, до борьбы и труда еще тебѣ далеко. А вотъ что я тебѣ сообщу сюрпризомъ: давно ты ко мнѣ все съ Рейной да Альпани, съ Риномъ да Венеціей приставала, такъ вотъ мы скоро надолго и всѣ туда уѣдемъ.

Нюта (*восторженно кидаясь къ нему*). Папа, голубчикъ! Да быть этого не можетъ! Неужели?... Всѣ рассказы... всѣ эти чудныя мѣста... на яву... Ахъ, милый... (*Обнимаетъ его.*)

Анонса Андр. Вотъ, вотъ.. Я давно говорила, а ты (*брату*) все спорилъ. Куда ѣхать да зачѣмъ... Давно намъ слѣдовало... Я всегда говорила...

Хворостневъ (*машетъ руками*). Говорила, матушка, говорила!

Нюта. Папа! Тамъ мы и маму навѣстимъ? (*Общее смущеніе. Нюта смолкаетъ. Потомъ очень серьезно*) Для меня сегодняшній день очень важенъ. Я новую жизнь начинаю... Скажите же мнѣ, что все это значитъ? Отчего я не знаю... мамы? Что было? И что будетъ? (*Нечаянно взглянувъ на Ольгу Николаевну и видя, что она вся помертвѣла.*) Ольга Николаевна, голубка моя, вы меня поймите: я не вѣрю, не могу и не хочу вѣрить тѣмъ грязнымъ, тѣмъ... безчестнымъ сплетнямъ, которыя я слышу со всѣхъ сторонъ. Я вѣрю только вамъ. Я не могу забыть, кѣмъ вы мнѣ были всегда, и что вы переносите изъ любви ко мнѣ...

Ольга Никол. Нюта... довольно...

Нюта. Нѣтъ, выслушайте меня. Сегодня на актѣ ко мнѣ подошла Вѣра Андреевна...

Анонса Андр. (*брату*). Хороша у тебя дочка!

Нюта. И только я замѣтила, что она хочетъ говорить, я ей присѣла и ушла. Не смѣютъ онѣ ничего про васъ, ничего... Такъ скажите мнѣ, ради Бога...

Волюнцевъ (*встаетъ*). Нюта... (*Беретъ ее за руки.*) вѣришь ты мнѣ или нѣтъ?*)

Нюта. Папа!

Волюнцевъ. Такъ знай: еслибъ я могъ отвѣтить сейчасъ, я бы отвѣтилъ тебѣ искренно и прямо. Но для счастья не только твоего, но и... твоей матери, я этого сдѣлать теперь не могу.

Нюта. Она не любитъ меня?

Волюнцевъ. Она счастлива теперь,—можешь быть покойна. Пусть она всегда живетъ въ твоей памяти, но ни тревоги, ни тяжелой тоски по ней быть у тебя не должно. Я тебѣ не лгалъ никогда, и если я говорю это, ты можешь мнѣ вѣрить, какъ себѣ самой.

Нюта. Одно еще, папа: я увижу ее?

Волюнцевъ. Когда ты полюбишь и станешь женой любимого человѣка, онъ одинъ отвѣтитъ тебѣ на этотъ вопросъ. (*За сценой голоса: «Да помилуйте, сударыня, позвольте дожить!»*)

Арина Нант. (*за сценой*). Какіе доклады, я своя, своя... (*Входитъ. Всѣ оборачиваются.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и Арина Нантелеймоновна, (*сухощавая, лѣтъ 60 старушка, въ черномъ шелковомъ платьѣ, очень изысканно сшитомъ **). **Волюнцевъ** (*взглянулъ на нее, вздрогнулъ и отступилъ.*)

Арина Нант. (*направляясь къ нему съ распростертыми объятіями*). Кого я вижу! Сереженька!...

Волюнцевъ (*быстро, рѣшительно*). Пожалуйста ко мнѣ въ кабинетъ.

Арина Нант. А это Анеточка? Голубушка ты моя, выросла какъ, красавицей какой стала! Чай забыла бабушку-то?

Нюта (*взглядываетъ на отца*). Бабушку...

Арина Нант. Я вѣдь къ тебѣ отъ твоей...

Волюнцевъ (*сильно*). Ни слова!... Нюта, иди къ себѣ.

Нюта. Папа...

Волюнцевъ (*уводя Нюту почти насильно*). Иди къ себѣ! Я тебѣ приказываю! (*Уходитъ съ нею; за ними Ольга Николаевна.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII **).

Анонса Андреевна, Хворостневъ и Арина Нантелеймоновна.

Анонса Андр. (*брату*). Что это за вѣдьма такая?

Хворостневъ. Я такъ полагаю, что это бабушка его дочери и мать его жены.

Анонса Андр. Ахъ! (*Подходитъ къ ней, рѣшительно.*) Вы зачѣмъ пріѣхали? (*Хворостневъ дѣлаетъ отчаянные жесты.*)

Арина Нант. Я къ моему зятю.

Анонса Андр. А если вашъ зять васъ видѣть не желаетъ, а? Скажите, если онъ не желаетъ?

Арина Нант. Объ этомъ мы съ нимъ и поговоримъ. А вы кто же: домоправительница здѣсь будете?

Хворостневъ. Дождалась!

Анонса Андр. (*страшно вскипнѣвъ*). Что? Я домоправительница? Я Гаранина, сударыня моя, Анонса Андреевна Гаранина...

Арина Нант. (*спокойно*). Что-жъ изъ этого? У каждаго человѣка своя фамилія.

*) Х., А. А., А. П., В., Н., О. Н.

**) Х., А. А., А. П.

*) Х., А. А., В., Н., О. Н.

Анонса Андр. Да что-жь это такое, Андрей Андреевич?

Хворостневъ (*вполголоса*). Замоли ты! Какъ тебѣ не стыдно связываться! (*Громко Арина Пантелеевна* *). Извините, сударыня...

Анонса Андр. Какъ, ты же у нея извиненія просишь?

Хворостневъ (*разсердясь*). Фу ты, Боже мой, что за голова! **)

Арина Пант. Я по ключамъ, да по одѣянію такъ разсудила, а можетъ вы владѣтельная особа. Кто-жь съ перваго взгляду разберетъ! Опять же и то я слыхала, что дамы нашего круга такъ на гостей не напускаются...

Анонса Андр. Незванный гость хуже татарина!

Арина Пант. По какому это праву вы такъ себѣ позволяете со мной говорить?

Анонса Андр. По тому праву, что моя дочь здѣсь госпожа и хозяйка... это ея домъ и больше ничей...

Хворостневъ. Молчи ты, сумасшедшая!..

Арина Пант. Такъ, такъ, такъ... Извините! Вѣдь этакая я дура набитая... Такъ эта молодая дѣвица... А вы (*Хворостневу*) значить ихъ папенька будете? (*Хворостневъ презрительно пожимаетъ плечами и отворачивается*.) Дѣйствительно, семейство почтенное.

Анонса Андр. Эй, кто тутъ? (*Берется за звонокъ*.)

Хворостневъ (*тихо ей*). Ради Бога, разъ въ жизни, послушайся голоса здраваго разсудка... Я поѣду самъ къ ей дочери... тутъ нужно умно и съ толкомъ дѣйствовать, иначе все пропало!

(*Волинцевъ быстро входитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же и Волинцевъ ***).

Волинцевъ. Говорите скорѣе, что вамъ нужно отъ меня?

Арина Пант. Какъ это ты, Сереженька, меня встрѣчаешь? Вѣдь я, чай, тебѣ не чужая...

Волинцевъ. Что вамъ угодно?

Арина Пант. Да какъ что? Коли у тебя сердце окаменѣло, такъ не всѣ же такіе. Я внучку мою поглядѣть пріѣхала.

Анонса Андр. Вашу внучку? Вашу?

Волинцевъ (*Анфиса Андреевна*). Ради Бога...

Анонса Андр. (*почти съ ненавистью*). Ея внучка!

Волинцевъ. Скажете вы мнѣ или нѣтъ, зачѣмъ вы пожаловали?

Арина Пант. Скажу, Сереженька, скажу. Ниночка, жена твоя, тебя видѣть желаетъ.

Волинцевъ. Она здѣсь?

Арина Пант. Мы вчера съ утреннимъ поѣздомъ прибыли и остановились въ гостинницѣ Лондонъ. Я не утерпѣла: заѣхало письма сама напросилась къ тебѣ понавѣдаться, и вотъ какъ ты меня принимаешь!

Волинцевъ. Я буду у Нины Александровны сегодня же.

Арина Пант. Ахъ, кабы послалъ Господь вамъ опять миръ да любовь, утѣшилъ бы мое материнское сердце! Забыли бы старое... кто Богу не грѣшенъ, и прожежъ мужа и жены становиться никто не можетъ. Конечно, въ нашемъ кругу не всегда соблюдается, да лишь бы тихо, да безъ шуму...

Волинцевъ. Ну, довольно...

Арина Пант. Я, Сереженька, на твои покрики смиреніемъ тебѣ отвѣчаю, потому что тутъ не ты виноватъ, а другіе, которые... Ну, да наши съ Ниночкой слезы Господь не забудетъ и за все воздастъ. И ахъ, ахъ, ахъ... Анеточку бы повидать, да небось не пустите... Такъ передайте ей и мое и материнское благословеніе. (*Уходитъ и оборачивается въ дверяхъ*.) Только ты, Сереженька, пріѣзжай, а то большія непріятности наживешь. (*Уходитъ*.)

Волинцевъ (*опускаясь въ кресло у кушетки*). Анонса Андреевна, пожалуйста пройдите къ Нютѣ... побудьте съ ней... бѣдная дѣвочка на себя не похожа... А Ольгу Николаевну попросите сюда...

Анонса Андр. Изволь, батюшка... Ну, дожили до передраги... говорила я, давно надо было уѣхать. (*Уходитъ напрямомъ въ первую дверь*.)

Хворостневъ. Ecoutez, cher ami. У меня есть планъ. Я самъ берусь за ваше дѣло. Тутъ надо дѣйствовать тонко и умно, а вы всѣ, простите меня... вы люди темперамента, а не холоднаго разсудка... Мудрость змѣя—вотъ что необходимо, а ужъ это моя специальность... Adieu! (*Уходитъ намыв. Входитъ Ольга Николаевна*.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Ольга Николаевна и Волинцевъ *).

Ольга Никол. (*подходитъ сзади и целуетъ его въ голову*). Что, милый?

Волинцевъ. А, Оля... ты... сядь, голубка моя... Что я хотѣлъ сказать? Да... Какъ Нютя?

Ольга Никол. Она тамъ... у себя...

Волинцевъ. Очень взволнована?

Ольга Никол. (*помолчавъ*). Очень. (*Молчаніе*.)

*) О. Н. за стуломъ, В. въ креслѣ справа.

*) Переходить. А. А., Х., А. П.

**) Переходить обратно: Х., А. А., А. П.

***) Х., А. А., А. П., В.

Волынецъ. Что тутъ дѣлать? Я рѣшительно теряюсь.

Ольга Никол. А я такъ почти рада, что кончилось это неопредѣленное положеніе. Комунябудъ изъ пастъ придется уступить: или ей, или мнѣ.

Волынецъ. Какъ тебѣ? Оля, что ты?

Ольга Никол. Придется.

Волынецъ (*встаетъ, ударивъ кулакомъ по столу.* *) Ни за что на свѣтъ! Ты съ ума сошла! Кто она для меня? Жена? Нѣтъ, если даже судить по закону. Не пять, а двѣнадцать лѣтъ она таскаетъ мое имя по разнымъ притонамъ. Мать она моей дочери? Оля, ты половины не знаешь. Трехъ лѣтъ Нютѣ не было, когда Нина Александровна, нарядивъ ее какъ куклу, завитую и напомаженную, таскала всюду съ собой, какъ любимую собаченку, а дома въ одномъ изъ своихъ истеричскихъ припадковъ толкала, чуть не била ребенка, говоря, что она не выноситъ ласкъ и смѣха дочери противнаго ей человѣка. Все это я узналъ уже потомъ, когда узналъ и о своемъ позорѣ... Что я вынесъ, Оля, что я вынесъ!...

Ольга Никол. Милый...

Волынецъ. И теперь она является сюда!.. Зачѣмъ? Что ей нужно? Не денегъ; она знаетъ, что я ей все отдамъ, все, до послѣдней полушки, лишь бы она согласилась дать мнѣ свободу. Тутъ одна изъ ея вѣчныхъ комедій... Эта женщина играетъ всю жизнь собой и дру-

гими, своей и чужой честью, своимъ и чужимъ счастьемъ. Безъ этой игры она не живетъ. Она прослышала про наши отношенія, знаетъ, что Нюта выросла, и вотъ проснулась въ ней эта проклятая потребность волнений, драмы, сильныхъ ощущеній, всего того, чѣмъ она изломала мою жизнь... Охъ, знаю я ее, издали вижу, что у нея въ головѣ и въ сердцѣ. Такъ слушай же меня: я добръ, я мягокъ... но если я увижу, что пужно будетъ убить ее, я убью... И не отдамъ ей ни тебя, ни Нюты... Довольно съ нея и того, что она уже сдѣлала... Прощай... я ѣду къ ней.

Ольга Никол. Постой... Не намъ рѣшать это дѣло.

Волынецъ. Кому же?

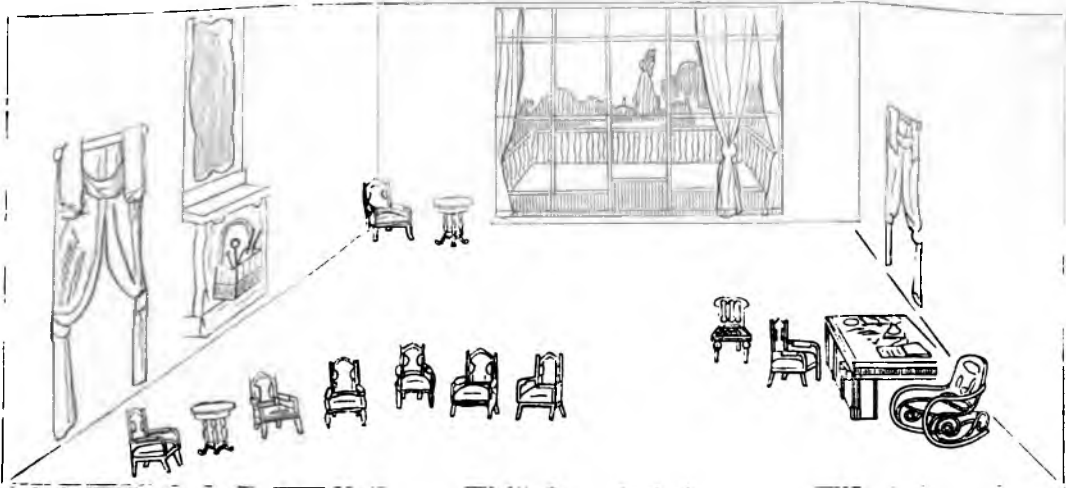
Ольга Никол. Нютѣ.

Волынецъ. Что?! Почему?

Ольга Никол. Потому что въ ней ея сила и опора. Потому что въ ней... моя гибель. Она вправѣ сказать, что лучше бы мѣсто ея матери было пусто, чѣмъ занято другой, самой заботливой, самой любящей женщиной... И... ты знаешь... я мамѣ прямо сказала, что люблю тебя, что твоя я... Я въ душѣ чувствовала свою правду, потому что въ любви—правда... и я ничего суда не боялась... Но Нюта одна вправѣ меня осудить... и осудить! (*Проговаривъ все со страшнымъ усиліемъ, задыхаясь опускается въ кресло. Волынецъ стоитъ неподвижно, закрывъ глаза рукой.*)

ДѢЙСТВІЕ II.

*Богатый парадный будуаръ въ одномъ изъ лучшихъ hôtel'ей. Три двери: лѣвая **) въ спальню Нины Александровны, правая въ столовую и входная, средняя широкая стеклянная выходитъ на балконъ, уставленный цвѣтами. Въ эту дверь виденъ садъ, въ глубинѣ котораго стѣна дома. Ковры, ширмы, цвѣты, бронза, картины, изящная модная мебель.*



*) Переходить. До конца акта: В., О. Н.

**) Указанія всегда отъ зрителя.

ЯВЛЕНИЕ I.

Пропорьевъ (*входитъ изъ входной двери щегольски одѣтый*; **Арина Пантелеймоновна** на сценѣ, собирается идти въ правую дверь *).

Пропорьевъ. А! Добродѣтельная вдовица! Пожаловали? Какія извѣстія?

Арина Пант. Извѣстія, батюшка Георгій Дмитріевичъ, самыя, могу сказать, непріятныя.

Пропорьевъ. Собаками травили, что ли?

Арина Пант. Почитай, что такъ.

Пропорьевъ. Кто же именно?

Арина Пант. Зятекъ любезный, да и весь домъ. Старуха кака-то такъ и напустилась. У нихъ тамъ цѣлое гнѣздо развелось, молодая замѣсто хозяйки, при ней маменька, да еще какой-то, изъ себя въ родѣ какъ штатскій генералъ, лицомъ желтый, а глаза какъ мыши, такъ и бѣгаютъ. Ну, понятно, какъ слѣдуетъ благородной дамѣ, я съ большой гордостью себя аттестовала, да не тутъ-то было. Чуть я Ансточкѣ объ ея мамашѣ заикнулась, Сереженька-то мой, забывъ всякое ко мнѣ почтеніе, какъ рывкнетъ, дочь услалъ мигомъ, а меня, попросту говоря, чуть что не въ зашеи. Тещу-то! Почти родную мать! Однако я всѣ ихъ семейныя тайны разобрала и Ниночкѣ разсказала.

Пропорьевъ. А она уѣхала?

Арина Пант. Съ визитами къ Курчиннымъ и къ Быкаевой.

Пропорьевъ. Отлично. Въ Петербургѣ ихъ не видно было, а здѣсь и такая мелочь пригодится. Говорятъ, они тутъ тонъ задаютъ.

Арина Пант. Скажите! А тамъ, промежъ другихъ гостей, и замѣчать-то ихъ не замѣчали.

Пропорьевъ. Душа моя, что это за языкъ такой: «промежъ»? Какъ это вы провязали ваши благотворительныя скатерти цѣлыхъ 12 лѣтъ въ избранномъ обществѣ и все-таки не выучились изъясняться безъ «промежъ», да «почитай, что такъ» и тому подобное! Вѣдь вы съ вашимъ покойникомъ. Нинѣ положеніе давали въ Петербургѣ. Вѣдь мы Карла - Александра-Марію-Фридриха Фердинандовича Мейера, вашего супруга, фонъ-Мейеромъ окрестили. Легко сказать! Поль-Петербурга на его похороны собрали. Ему и во снѣ не снилось, когда онъ гдѣ-то въ Усть-Сысольскѣ оркестромъ дирижировалъ, чтобъ его такъ хоронили. А вы... въ двухъ школахъ и въ одной лѣчебницѣ попечительницей были, въ пяти комитетахъ членомъ, а все съ вашими «промежъ» да «почитай что». Удивительно!

Арина Пант. (*тоскливо*). Вѣдь слышала ужъ я все это, слышала! Что-жъ я подѣлаю!

*) А. П. Пропорьевъ.

И то всю жизнь, какъ воды въ ротъ набраши...

Пропорьевъ. «Набраши»... этакій талантъ! Ну, я васъ не задерживаю. Посижу въ ресторанѣ... Пришлите сказать, когда Нина вернется! (*Арина Пантелеймоновна уходитъ со словами „хорошо!“*) А, вотъ и она подѣхала... Ба, Курчина съ ней... а сзади и его превосходительство... Экая пристяжка превосходная... Удалиться пока... (*Уходитъ направо. Почти вслѣдъ за нимъ съ балкона входитъ Нина Александровна въ богатомъ, изящномъ и модномъ платьѣ, подъ руку съ Курчиной, за ними Курчинъ.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

Нина Александровна, Елена Оедоровна и Курчинъ *).

Нина Алекс. Soyez les bienvenus! Вотъ и моя палатка, мой походный шатеръ! (*Протягиваетъ руку Курчину и цѣлуетъ Елену Оедоровну. Переходитъ налево. Въ двери.*) Мама! Venez donc... здѣсь наши... наши, петербургскіе.

Голосъ Арины Пант. Кто такіе?

Нина Алекс. (*съ легкимъ жестомъ досады*). Это секретъ... Идите!... (*Входитъ Арина Пантелеймоновна.* **)

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же. Арина Пантелеймоновна.

Арина Пант. Боже мой! Ваше превосходительство... Елена Оедоровна! Вотъ такъ сюрпризъ! (*Цѣлуются съ Курчиной.* ***)

Нина Алекс. (*сидя и усаживая налево съ краю Елену Оедоровну*). Мама, представь, я пріѣзжаю къ Еленѣ Оедоровнѣ, оказывается—весь городъ говоритъ уже о появленіи какой-то таинственной незнакомки. Описываютъ наружность—мою, экипажъ—мой, лошадей—моихъ. C'est superbe, c'est imprayable! Я—таинственная незнакомка! Эта роль мнѣ такая новость... Мои друзья не отпустили меня одну, и милая Hélène жертвуетъ своимъ днемъ, чтобы проскучать со мной.

Елена Оедор. Ахъ, Боже мой! Прожить въ этой глуши почти пять лѣтъ и послѣ этого встрѣтить васъ... Мы васъ не выпустимъ... Видите, какіе мы злые? Мы скучаемъ,—скучайте и вы съ нами...

Курчинъ. Ну, какъ я радъ видѣть васъ, Арина Пантелеймоновна. Такъ и вѣтъ нашимъ милымъ Петербургомъ, нашимъ мѣстомъ свиданій и отдыха отъ трудовъ—у васъ. Пока наша

*) Е. О., Н. А., К.

**) Н. А. у зеркала. А. П. идетъ къ Курчину. У зеркала же Е. О. Курчинъ направо крайній.

***) Е. О., Н. А., А. П., К.—всѣ садятся слѣва.

молодежь у ногъ Нины Александровны, мы — помните—заберемся къ вамъ на половину, зеленый столъ, князь Сергій Сергѣичъ, нашъ милѣйшій Георгій Дмитріевичъ, баронъ Карлъ Оттоновичъ и я. Нѣтъ, здѣсь совсѣмъ не то.

Нина Алекс. Что же здѣсь? Что вы дѣлаете? Какъ живете? Есть кружокъ?

Елена Федор. Кружокъ... пожалуй... но мало... такъ мало нашихъ... *La société est trop mêlée.*

Курчинъ. И какъ вы рѣшились бросить Петербургъ? Неужели можно это сдѣлать добровольно?

Нина Алекс. Добровольно? О, нѣтъ, нѣтъ... Но есть причины, и очень важныя.

Курчинъ. Да?

Нина Алекс. Да. Меня сюда призвали священные обязанности.

Елена Федор. (*съ большимъ интересомъ*). Скажите!

Курчинъ. Обязанности?

Нина Алекс. Да. Здѣсь живетъ мой мужъ и моя дочь...

Курчинъ. Вашъ мужъ... Позвольте... да, да... Волинцевъ?...

Елена Федор. Ахъ, Боже мой, чему ты изумляешься? Кто-жъ этого не знаетъ? (*Нина Александровна*) И онъ васъ вытребовавъ сюда, да? Вѣдь у этихъ противныхъ мужей всѣ права. Я не курсистка, но въ этомъ случаѣ я за равноправность... Представьте себѣ, онъ (*Указывая на мужа*) говорить, что мужъ имѣетъ право водворить жену.

Курчинъ. Въ лучшемъ видѣ.

Елена Федор. Но вашъ мужъ этого не сдѣлать?... Водворить... какъ это грубо!

Нина Алекс. Насколько мужъ мой желаетъ меня видѣть, можно судить по тому, что я остановилась въ гостиницѣ, тогда какъ у него въ домѣ, рядомъ съ моею дочерью, живетъ...

Елена Федор. (*съ продолжительнымъ стономъ*). Ахъ, не продолжайте! C'est la bête poige всего нашего общества... на глазахъ всѣхъ насъ... рядомъ съ молодой дѣвушкой... une liaison illégitime...

Курчинъ. Ахъ, это возмутительно! Самъ губернаторъ обратилъ вниманіе... О, будь я на его мѣстѣ, въ двадцать четыре часа—и весь разговоръ...

Нина Алекс. Я давно умоляла мужа вернуть мнѣ мою дочь... и Богъ съ нимъ... Ну, что-жъ дѣлать, мы не сошлись... Я не хочу его винить, Богъ съ нимъ... (*Со вздохомъ*) Я его давно простила. Я была бы даже готова подчиниться моему долгу, вернуться къ нему и перенести все, что Богу угодно было бы мнѣ послать, но онъ не хотѣлъ,—онъ предпочиталъ на свободѣ... Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу его осуждать. Dieu me garde!

Елена Федор. Вы—ангелъ! Ангелъ и больше ничего.

Нина Алекс. Но когда я узнала, что около моей дочери какая-то интриганка, что она, моя Annette, подъ ея влияніемъ,—о, тогда я бросила все и пріѣхала сюда заявить мои права...

Елена Федор. Мы всѣ за васъ. Это такая женщина... Она насъ всѣхъ скандализируетъ... Знаете, вѣдь эта... я ужъ не знаю какъ ее назвать... эта дама... эта дѣвица... она хорошаго круга... elle est riche enfin et bien née... Ахъ, это такой ужасъ!... Потому такая гордость... чванство... какое-то холодное презрѣніе къ общественному мнѣнію... (*Уалекаясь*) Мы всѣ потребуемъ,—да, потребуемъ...

Арина Никит. Нѣтъ, вы поймите, что я должна чувствовать? Ужъ вы лучше при мнѣ не говорите... Внучка моя... я ее видѣла сегодня... мелькомъ... Пріѣхала къ нему, къ Сергѣю Владиміровичу, и какой пріемъ для благородной дамы, родной тещи, почти матери? Можете себѣ представить: еле ноги увол... (*Со страхомъ смотритъ на Нину Александровну*) Ужъ я пойду... (*Плача*) Я очень разстроена, ажъ колѣнки трясутся... я пойду!... (*Уходитъ со слезами на лѣтѣ*.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же, безъ Арины Никителѣионовны, потомъ Пропорьевъ.

Нина Алекс. Какъ я благодарна вамъ за ваше участіе. Я ѣхала сюда, и у меня сердце сжималось. Что я могу одна? Кто за меня заступится?... Кто поможетъ мнѣ спасти мою дочь...

Курчинъ (оба). Мы и всѣ наши. (*Входитъ Пропорьевъ справа*.)

Пропорьевъ. И я!

Курчинъ (вставая). Кого я вижу! Георгій Дмитріевичъ!

Пропорьевъ (цѣлуя руки у дамъ). Точно какая-то сила меня влекла и не даромъ,—этой очаровательной встрѣчи я не ожидалъ. Подождите, ваше превосходительство, дайте сперва наглядѣться на вашу супругу *).

Елена Федор. Ахъ, Боже мой! Нашъ левъ съ сѣдой гривой! И вы не сказали, злая?

Пропорьевъ. Да—съ, грива уже посѣдѣла. Одно сердце попрежнему бьется горячо и молодо. Ну, ваше превосходительство, теперь я вашъ **).

Курчинъ (обнимая его). Какъ я радъ! Мы сегодня же сразимся! Я настою на partie fixe. Вы къ намъ служить?

Пропорьевъ. Нѣтъ, ваше превосходительство, я, какъ Донъ-Кихотъ, готовъ вступаться вездѣ за правду, готовъ,—скажу прямо, всѣ силы положить, если нужна моя помощь дѣлу, дѣя-

*) Е. О., П., Н. А., Курчинъ.

**) Е. О., Н. А.—сидятъ. П., К.—стоятъ.

ствительно святому, но служить... нѣтъ... Я слишкомъ цѣню свободу и лѣтъ!

Нина Алекс. Ахъ, еслибъ вы знали, какое сердце у Георгія Дмитріевича! Когда я обратилась къ нему, одна, безпомощная, и рассказала ему, что я должна сдѣлать... Знаете ли, что онъ отвѣтилъ?...

Пропорьевъ. Но къ чему это?

Нина Алекс. Онъ сказалъ просто: я ѣду за вами... Я ѣду за вами. И больше ничего...

Елена Федор. Ничего? Какъ это благородно! Курчинъ. Это по-нашему. Вашу руку! Все для женщинъ.

Пропорьевъ. Прибавьте—для самыхъ жестокихъ женщинъ.

Нина Алекс. (строго). Георгій Дмитріевич! Я васъ просила!...

Пропорьевъ (тономъ досады, смѣшанной съ уваженіемъ). Эхъ, Нина Александровна, не всегда смолчишь. Всему есть мѣра. Положимъ, вы сумѣли стать выше страстей и подчинить каждое бленіе вашего сердца чувству долга, но вѣдь мы люди, мы можемъ любить и не въ силахъ иногда...

Нина Алекс. Довольно, довольно!

Пропорьевъ. И вотъ моя судьба цѣлыхъ десять лѣтъ!

Курчинъ (смыслъ). Все то же, все то же! Что-жъ дѣлать, mon cher, такія женщины, какъ Нина Александровна... Имъ мѣсто на Олимпѣ, и посланы онѣ намъ, бѣднымъ смертнымъ, на одно мученіе... (Отходятъ въ глубину).

Елена Федор. За то есть Гаранины, которые насъ утѣшаютъ.

Нина Алекс. Кто?

Елена Федор. Это она! (Нина Александровна болезненно вздрагиваетъ). Courage, mon ange! (нико). Вы еще любите вашего мужа?

Нина Алекс. (покинувшись головою). Къ несчастію! (Входитъ лакей.)

Лакей. Госпожа Быкаева и господинъ Хворостневъ.

Нина Алекс. Проси!

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же, Быкаева (съ черномъ шелковомъ цыганскомъ костюмѣ) и Хворостневъ *).

Быкаева. Bonjour, chère Nina. Я отказалась отъ двухъ бесѣдъ, чтобы поспѣшить къ вамъ. (Цѣлуются, и Нина, въ легкія восклицанія удовольствія.) О Федоровна! (тоже.) Général **). (Нина Александровна) Mon père... Андрей Андреевичъ Хворостневъ.

*) Е. О., Н. А.; — въ глубинѣ П. и К., Б. и Х.

**) Кланетъ голову мужичинамъ: послѣ представленія отца садится рядомъ съ Е. Федоровной. Е. О., Б.; П. А.; —; П. и К. въ глубинѣ.

Нина Алекс. (протягивая руку). Enchantée! **Хворостневъ.** Madame! (Почтительно жметъ руку. Вѣсьмъ кланяется.)

Нина Алекс. (знакома). Георгій Дмитріевичъ Пропорьевъ.

Хворостневъ (пожимая руку). Хворостневъ. (Вѣсь садятся.)

Быкаева. Я думала, что вы одна, дорогая Нина. Я испытала на себѣ, что значить попасть въ городъ, гдѣ нѣтъ того общества, къ которому привыкла. Еслибъ я не отдалась нашему святому дѣлу, я сошла бы съ ума. Но теперь трудъ и молитва даютъ мнѣ силы... И рара просилъ меня представить его вамъ. Онъ такъ много слышалъ про вашу изящный салонъ въ Петербургѣ...

Хворостневъ. Но ни разу не имѣлъ случая удостоиться чести его посѣтить.

Нина Алекс. Вѣроятно, отъ недостатка желанія, потому что двери моего дома всегда были бы открыты отцу моего друга.

Хворостневъ (кланяясь). Я буду навязчивъ и приму это за приглашеніе. Я собираюсь въ Петербургъ черезъ мѣсяцъ...

Нина Алекс. Я врядъ ли вернусь туда такъ скоро... да и когда-нибудь.

Хворостневъ (исвозмутимо). Неужели вы выберете вашей резиденціей паше захолустье?

Нина Алекс. (улыбается). Мои друзья такъ добры ко мнѣ... одно это могло бы меня заставить остаться здѣсь. Но, кромѣ этого, есть и другія, тяжелыя причины.

Елена Федор. Андрей Андреевичъ, вы должны присоединиться къ намъ. Непремѣнно.

Хворостневъ. Вы знаете, что я всегда вашъ горячій прозелитъ.

Быкаева. Рара, это въ васъ говоритъ челоуѣкъ или дипломатъ?

Хворостневъ. Ты должна знать лучше другихъ, что и тотъ и другой у меня шли всегда рука объ руку.

Курчинъ. Это тотъ мирный слогъ, который двигаетъ войска!

Хворостневъ (улыбается). Противъ меня коалиція? Нина Александровна, защитите меня для начала нашей дружбы.

Нина Алекс. Хорошо. Союзъ наступательный и оборонительный.

Елена Федор. Кажется, Андрей Андреевичъ предпочтетъ нейтралитетъ въ этомъ дѣлѣ, по многимъ обстоятельствамъ, если онъ ихъ узнаетъ.

Хворостневъ (измѣняя разговоръ). Зачѣмъ вамъ понадобились мои старыя кости, Елена Федоровна?

Елена Федор. Мы затѣваемъ кампанію,—о, успокойтесь!—кампанію, гдѣ вы нужнѣе, чѣмъ, напирѣвъ, мой мужъ.

Курчинъ. Твой мужъ, по-твоему, никогда и ни на что не нуженъ. Андрей Андреевичъ, я перехожу на вашу сторону.

Хворостневъ (*Ниня Александровна*). Вотъ и еще союзникъ!

Быкаева. Рара, я тоже вашъ союзникъ... Но позвольте мнѣ тогда и отвѣчать за васъ.

Хворостневъ. Однако, это война амазонокъ! Кто же этотъ новый геркулесъ, на котораго вы ополчились?

Быкаева. Я вамъ скажу, рара, но... я должна знать: могу ли я за васъ ручаться?

Хворостневъ. Боже, какой серьезный тонъ! Это выходитъ изъ области легкой sauterie. Я боюсь... я боюсь серьезности.

Елена Федор. Другими словами—вы отказываетесь.

Нина Алекс. А нашъ союзъ?

Хворостневъ. О, онъ остается въ полной силѣ! (*Входитъ Арина Пантелеймоновна съва*.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Арина Пантелеймоновна.

Нина Алекс. Позвольте васъ представить моей маман.

Арина Пант. (*увидѣвъ его, остается безъ движенія*). А!... *)

Хворостневъ (*невозмутимо*). Весьма счастливъ.

Арина Пант. (*совершенно неслышавъ*). Здравствуйте, батюшка!... (*Отходитъ въ глубину картинно мимо Курчина и Пропорьева*.)

(*Нина Александровна нѣсколько смущена и встревожена*.)

Елена Федор. Но вы подумайте, Андрей Андреевичъ, что въ нашемъ городѣ совершается возмутительное дѣло... нѣтъ, преступленіе!

Хворостневъ. Ой! это очень страшно! Надо къ полицеймейстеру или прокурору. Я на счетъ предупрежденія и пресѣченія слабъ. Это дѣло суда и полиціи.

Елена Федор. Они ничего не могутъ сдѣлать. Здѣсь попораны самыя священныя права.

Хворостневъ. О!?

Елена Федор. И жертва этого преступленія—передъ вами. (*Хворостневъ смотритъ на Нину Александровну*.) И это дѣлается открыто, на глазахъ всего нашего общества... Если мы всѣ станемъ это терпѣть, скоро не будетъ разницы между порядочной женщиной и...

Хворостневъ (*быстро перебивая*). Но что же мы можемъ сдѣлать?

Быкаева. Надо снасти бѣдную овечку изъ когтей тигрицы,—вырвать дѣвушку изъ семьи, гдѣ отношенія по меньшей мѣрѣ... странны.

Елена Федор. Или вернуть ей мать и дать ей семью.

Хворостневъ. Но какъ?... Я не вижу средствъ.

Быкаева. Черезъ васъ.

Хворостневъ. Да?

Быкаева. Да, рара! Не забудьте, что эта женщина, которая заняла чужое мѣсто и бравируетъ этимъ передъ нами, честными женщинами,—ваша племянница, а моя cousine, раг malheur.

Нина Алекс. Позвольте, mesdames... я не хочу, чтобъ ее оскорбляли... Она молода, она увлеклась... иначе я не могу объяснить ея поступка... (*Трогательно складывая руки*) Въ наше тяжелое время, когда всѣ нравственныя правила подточены въ самомъ корнѣ... Мы не имѣемъ права судить... Мнѣ кажется, если вашъ рара укажетъ ей все зло, которое она нѣтъ сдѣлала, она пойметъ... и... (*Съ сдержанными рыданіями*) вернуть семью бѣдной, брошенной матери и женѣ!

Пропорьевъ (*почти вслухъ*). Какое сердце! (*Выступаетъ на авансцену*.)

(*Хворостневъ оборачивается и смотритъ на него*.)

Быкаева (*цѣлуя Нину Александровну*). Calmez vous, mon ange! Не было примѣра, чтобы въ этой юдоли плача и стенаній чаша миновала лучшихъ изъ насъ...

Курчинъ (*выходя впередъ*). Mesdames, я человѣкъ пылкій, я, какъ прекрасно выразился Георгій Дмитриевичъ про себя, я тоже Донъ-Кихоть... Я съ нимъ стрѣляться буду, если онъ... *).

Нина Алекс. (*съ крикомъ*). Нѣтъ... ради Бога... кровь... изъ-за меня... jamais!... (*Переходитъ къ матери*.) **)

Пропорьевъ (*жметъ ему руку*). Вы благородный человѣкъ, но я вамъ не уступлю. Если нужно будетъ—я! Я!... Моя жизнь никому не нужна—а вы нужны не только вашей семьѣ, но и всей Россіи... (*Рукопожатія*.)

Хворостневъ (*кивая головой*). Совершенно вѣрно...

Елена Федор. Мы ждемъ вашего отвѣта.

Арина Пант. (*тихо Нину Александровну*). Ниночка, вѣдь это тотъ, что у мужа...

Нина Алекс. (*также*). А!.. Хорошо! ***)

Быкаева. Мы ждемъ, рара.

Хворостневъ. Воодушевленіе нашихъ очаровательныхъ дамъ и рыцарская готовность нашихъ кавалеровъ электризируютъ и мое старое сердце. Но... я затрудняюсь... я затрудняюсь... я привыкъ дѣйствовать по плану... а теперь я слишкомъ экзальтированъ самъ... я затрудняюсь...

Быкаева. Затрудняетесь! А! мы требуемъ

*) Е., О.Б., Н. А., Х., П., К., А. П. у письменнаго стола.

**) Всѣ встали. Е. О., Б., Х., П., К., Н. А., П. А.

***) Переходитъ. Е. О., Б., Х., Н. А., А. П.; П. и К.—отходятъ въ глубину.

*) А. П., Е. О., Б., Н. А., Х. Въ глубинѣ К. и П.

вашей помощи во имя нравственности, во имя духа... Я имѣла видѣніе... почти откровеніе. Мы всѣ сидѣли за столомъ, — мистеръ Принчисъ, Софья Федоровна, я и нѣсколько нашихъ прозелитовъ, — и вдругъ меня коснулась рука... и я ясно услышала слово: «спаси»... Я все поняла... И въ ту же ночь, послѣ молитвы, когда я сидѣла въ созерцаніи, мнѣ явилось...

Елена Федор. И мнѣ нѣсколько разъ являлось видѣніе.

Быкаева. Извините, душечка, этого не можетъ быть: къ видѣніямъ надо готовиться. У васъ былъ только обманъ чувствъ.

Елена Федор. Но все таки что-то было... *) Андрей Андреевичъ, вы не откажете, когда мы... (*Складываетъ руки.*) умоляемъ васъ!

Хворостневъ. Ну, противъ этого я устоять не въ силахъ! Я вашъ, mesdames! Располагайте мной!

Быкаева. Merci, рара!

Елена Федор. Я это знала!

Хворостневъ. Но... съ однимъ условіемъ. Я прошу предоставить мнѣ одному поле дѣйствія. Теперь, съ пріѣздомъ Нины Александровны, отношенія слишкомъ обострились. Надо опять все ввести in statu quo.

Нина Алекс. То-есть?

Хворостневъ. Вамъ надо недѣли на двѣ, на три уѣхать отсюда.

Нина Алекс. А?!

Хворостневъ. Непремѣнно. Иначе все дышетъ чѣмъ-то воинственнымъ, какая-то лихорадочная атмосфера борьбы... Это мѣшаетъ ладить дѣло... Въ такихъ щекотливыхъ вопросахъ система натисковъ—самая плохая. Вашъ пріѣздъ—это, выражаясь по-нашему, извѣстная форма ультиматума. Надо дать имъ время, во-первыхъ, свыкнуться съ этимъ важнымъ переломомъ въ ихъ жизни, во-вторыхъ—обсудить внимательно мои доводы, mes raisons, въ третьихъ...

Нина Алекс. Въ третьихъ, дать имъ время уѣхать, обсудивъ ваши доводы (*вставая*) Благодарю васъ за помощь, но позвольте мнѣ от нея уклониться. Я не умѣю хитрить, и все это для меня слишкомъ сложно. Я вижу одно: вы мой злѣйшій врагъ.

Хворостневъ (*потерявъ почву*). Madame...

Нина Алекс. Мой непримиримый врагъ. Я въ вашихъ глазахъ только безсердечная интриганка, бросившая мужа и дочь на произволъ судьбы. Я—женщина, прожигавшая дой машинъ очагъ на блескъ и роскошь свѣтской столичной жизни. Теперь я своимъ появленіемъ разбиваю счастье людей, вамъ дорогихъ и близкихъ. Съ такой опасной женщиной нечего чиниться, но надо ея остерегаться. И вы рѣшились пріѣхать ко мнѣ и узнать, насколько я

хитра и опасна, чего я требую, что я намѣрена дѣлать, какими средствами я располагаю. Мало того: вы рѣшились воспользоваться моею довѣрчивостью и устранить меня. Съ другой женщиной вы не рѣшились бы принять на себя такой роли, но меня вы слишкомъ мало уважаете и слишкомъ бонетесь, чтобы дѣйствовать прямо.

Хворостневъ (*смущенный*). Но увѣряю васъ...

Нина Алекс. (*кротко*). Простите, я не должна была говорить такъ рѣзко. Это грубый пріемъ. Но не забудьте, я теперь не свѣтская женщина, а мать, разлученная съ дочерью, жена, отвергаемая мужемъ... я одинока... (*Переходитъ къ Еленѣ Федоровнѣ.* *)

Елена Федор. Нѣтъ, вы не одиноки! Ахъ, Боже мой! Ахъ, Андрей Андреевичъ!

Быкаева. Какъ, вы меня сдѣлали орудіемъ? Рара, рара!

Елена Федор. Ma chère, сколько предательства!

Быкаева. Это вліяніе ma tante и ея милой дочки.. Рара не такъ золь... **) (*Ему*) Ну, говорите же, рара, говорите... Васъ подослали?

Курчинъ. Андрей Андреевичъ! Вы—и противъ женщинъ? Я васъ не узнаю!

Хворостневъ. Да позвольте... вы ошибаетесь...

Елена Федор. Какой ужасъ! Гдѣ мы живемъ? Въ какое ужасное время мы живемъ... Западни, западни и западни!

Быкаева. Я сейчасъ поѣду къ Софьѣ Федоровнѣ... мы весь городъ поставимъ на ноги...

Елена Федор. (*очень рѣшительно*). И будемъ протестовать.

Хворостневъ. Mesdames... извините... mille pardons... я такъ не могу... эти обвиненія... этотъ неожиданный поворотъ разговора... все это такъ странно... Мнѣ остается удалиться (*Кланяется.*)

Нина Алекс. (*улыбаясь, протягиваетъ ему руку*). Вы пережѣните обо мнѣ мнѣніе, Андрей Андреевичъ. Поэтому не прощайте, а... до свиданія.

Быкаева. Да почувствуйте вы это ангельское смиреніе!

Хворостневъ. Чувствую... цѣню... и прошу вѣрить... Mesdames... messieurs... (*Стараясь отшутиться*) Три женщины на одного бѣднаго старика... Вой не равный... (*Кланяется Аринѣ Пантелеймоновнѣ, которая повторяетъ его ужимку съ ней въ первомъ актѣ, то-есть, пожимаетъ плечами съ презрѣніемъ и отворачивается. Въ сторону.*) И эта туда же! Въ жизни не бывалъ въ такихъ дуракахъ... (*Уходитъ*).

**) Б., Е. О., Н. А., Х., А. П.: П. и К.—въ глубинѣ сѣва за дамской группой.

*) Переходитъ. Е. О., Н. А., Б., Х., К, П. и Ар. П.

*) Переходитъ. Б., Е. О., Х., П. А., А. П.: П. и К.—въ глубинѣ.

Курчинъ (*Пропорьеву*). Это называется: вьютъ на сковородѣ!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же, безъ Хворостисева *).

Быкаева (*по уходитъ ея, очень нервно.*) Дюшечка, вы вѣрите, что я не причеѣ.

Нина Алекс. (*грустно*). Я хочу вѣрить, милая. Иначе, если вездѣ ложь, нельзя жить на свѣтѣ.

Быкаева. Я докажу на дѣлѣ, Нина. Всѣ мои связи, все мое знакомство, все пушу въ ходъ. Еслибы вы знали, что я отъ нея вынесла: я хотѣла обратить ее на истинный путь, сама прѣѣхала къ ней, и кончилось тѣѣ, что она повернула мнѣ спину и вышла изъ комнаты.

Курчинъ **). Ну, я прямо скажу, и мужъ вашъ хорошъ. Давись передъ нимъ порядочный человекъ, онъ въ какихъ-нибудь пяти тысячахъ откажетъ, а мужичью авансы подъ хлѣбъ раздаетъ. Имъ, говорить, нужно подати платить, да въ срокъ, а вамъ, говорить, въ карты проигрывать. Логика!..

Нина Алекс. Онъ не былъ такимъ.

Быкаева (*рѣшительно*). Ну, теперь не время говорить... Надо дѣйствовать! (*Надѣваетъ перчатку.*)

Елена Федор. И я буду дѣйствовать... И ты, Евтихій Васильевичъ... Мы всѣ... Ахъ, какая мысль: а.. а если они убѣгутъ теперь же?

Быкаева. О, этого не можетъ быть!

Елена Федор. Надо все предвидѣть ***). Вотъ что я думаю: ты, Евтихій Васильевичъ, поѣзжай къ полицеймейстеру и попроси его оцѣпить доѣ. Это очень просто и законно.

Быкаева. Ахъ, онъ начнетъ требовать предписанія. Нѣтъ! Мы сами устроимъ цѣлый крестовый походъ! Если мы, женщины, захотимъ—о, мы сильнѣе ста жандармовъ!

Елена Федор. Правда, правда! Значить, вы, Вѣга, къ Софьѣ Федоровнѣ, а я къ Павлѣ Петровнѣ. А ты, Евтихій Васильевичъ, поѣзжай къ полицеймейстеру, потомъ въ клубъ и разскажи всѣмъ: прѣѣхала м-ше Волинцева, такая милая, угнетенная женщина, — мужъ, скажи, проѣѣнялъ, — остановилась въ гостиницѣ, гнусная интриганка, и всѣ мы оскорблены... Словомъ, будь хоть разъ въ жизни полезенъ... Идемъ, идемъ... Я умираю отъ нетерпѣнія.

Быкаева. И я тоже... я вамъ докажу, сдѣга Нина... Вы получите все, что у васъ отняли...

Елена Федор. Ыдемъ... Ыдемъ!.. (*Обѣ уходитъ черезъ балконъ.*)

Курчинъ. Наши дамы не даюѣ вставить

*) Е. О., Н. А., Б., А. П., П. и К. въ глубинѣ.

**) Выступаетъ: Е. О., Н. А., Б., К., А. П.: П. въ глубинѣ.

***) Переходить. Н. А., Б., Е. О., К., А. П.; П. въ глубинѣ.

словечко, но я и безъ словъ на стѣну грудью полѣзу... Parole d'honneur... (*Цѣлуетъ руки дамамъ. Пропорьеву.*) Жду васъ въ клубѣ... (*Шаркаетъ и уходитъ черезъ балконъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Нина Александровна, Пропорьевъ и Арина Пантелеймоновна *).

Пропорьевъ выступаетъ впередъ (*вынимаетъ сигару, закуриваетъ и разваливается въ кресло*). Начало блестящее! Эта сорочья армія въ самомъ дѣлѣ сгонѣтъ жандармскаго отряда. Даже въ ушахъ звенитъ.

Нина Алекс. (*немедленно постъ ихъ уходитъ какъ-то вся измѣняется. Лицо и вся фигура принимаютъ видъ страшнаго утомленія*). Какъ все это мнѣ надоѣло!

Пропорьевъ. Припадокъ меланхолин.

Нина Алекс. (*отрывисто*). Да.

Пропорьевъ. Теперь не мѣшало бы это бросить. Дѣло серьезное.

Нина Алекс. Уйдите лучше.

Пропорьевъ. Уйдите! Я ужъ довольно слышался этихъ „уйдите“ да „оставьте меня“. Довольно. Изъ-за вашихъ историческихъ выходовъ мы почти все потеряли.

Нина Алекс. Не лгите. Вы ничего не потеряли.

Пропорьевъ. То, что я потерялъ, дороже денегъ. Я потерялъ положеніе и репутацію въ Петербургѣ, то-есть именно то, что послужило началомъ вашей карьерѣ. Не всякая мужняя жена, прибывшая въ Петербургъ искать счастья, попадала въ то общество, которымъ я васъ окружилъ. И что изъ всего этого вышло? Эти 12 лѣтъ приходилось приписывать васъ на каждомъ шагѣ, а вы не сдѣѣли выпутаться даже теперь, когда намъ чуть не Сибирь грозила, и кончилось дѣло все-таки высылкой изъ столицы административнымъ порядкомъ. Если и теперь, благодаря вашей хандрѣ, намъ не удастся выжать изъ вашего мужа крупныхъ денегъ, — даю вамъ слово, брошу васъ, какъ бросаютъ старую перчатку.

Нина Алекс. (*спокойно*). Если я сама васъ не выгоню раньше.

Пропорьевъ. Что-о?!

Нина Алекс. Это вамъ новость?

Пропорьевъ (*усмѣхаясь*). Да, признаюсь. Такъ еще со мною никто не смѣлъ разговаривать, а вы...

Нина Алекс. А я и подавно.

Пропорьевъ. Конечно. Вѣрно вы разсчитываете на защиту этихъ сорокъ. Такъ вѣѣ стрекочутъ-то онѣ въ вашу пользу потому, что считаютъ васъ попрежнему сильной въ Петер-

*) П.—Въ глубинѣ слѣва. Нина Алекс. перешла и слѣва въ калалку. А. П. осталась сидѣть у письменнаго стола.

бурѣ. А стоитъ имъ узнать о той катастрофѣ, которая васъ оттуда выгнала, и кромя авантюристики, шокирующей ихъ достоинство, отъ васъ не останется ничего.

Нина Алекс. Конечно, вы сами все расскажете?

Пронорьевъ. Милая моя, вы меня знаете, я моихъ враговъ щадить рѣшительно не умѣю и не могу, если даже хочу. Есть люди, у которыхъ отсохли руки, ноги, такъ и у меня: отсохло чувство состраданія. Говоря яснѣе, нашъ разрывъ начнется съ того, что я образую около васъ абсолютную пустоту. Изъ всѣхъ многочисленныхъ вашихъ друзей около васъ останется одна вотъ эта почтенная старушка, изъ которой, при всемъ желаніи, ничего не выжмешь.

Арина Пант. Уже я лучше уйду, чѣмъ грубо слушать.

Пронорьевъ. Именно объ этомъ я и хотѣлъ васъ просить. (*Указываетъ на дверь.*)

Нина Алекс. (*удерживая ее*). Аня похожа на меня?

Арина Пант. Нѣтъ, больше въ меня вышла. Я какъ себя въ молодости помню—вылитая она.

Нина Алекс. (*ей же*). Ну, я эта... какъ ея? Ольга Николаевна... хороша собой?

Арина Пант. Какъ сказать. Глаза такіе... и волосы... ну, и ростъ... все на своемъ мѣстѣ...

Пронорьевъ. (*Нинѣ Александровнѣ*). Вы кончили ваши вопросы?

Нина Алекс. Что вамъ нужно отъ меня, наконецъ?

Пронорьевъ. Вотъ что. Во первыхъ... (*Беретъ Арику Пантелеймоовну подъ руку и уводитъ нальво. Запираетъ за ней дверь.*) А во вторыхъ... (*Садится около нея верхомъ на тотъ стулъ, идѣ сидѣла А. П.*) трехъ минутъ вниманія. Потрудитесь объяснить мнѣ, что вы намѣрены дѣлать съ вашимъ мужемъ? *)

Нина Алекс. Это васъ не касается.

Пронорьевъ. (*усмѣхнувшись*). Мой другъ, я вѣдь васъ не ревную. Мнѣ только интересно знать, на какую сумму мы острижемъ вашего меринуса. Что до сихъ поръ вы не давали ему свободы—это превосходный расчетъ. Мы не нуждались и могли его беречь про запасъ, пока онъ обросталъ шерстью. Теперь, говорятъ, руно золотое и, по-моему, содрать бы съ него всю шкуру.

Нина Алекс. Это вашъ планъ?

Пронорьевъ. Нѣтъ, это конецъ плана. Планъ принадлежитъ вамъ, и, надо вамъ отдать справедливость, вы его хорошо задумали. Конечно, не мѣшало бы меня спроситься... Но я не сержусь, какъ не сержусь и за то, что вы хотѣли отъ меня улизнуть дорогой. Забавно! Пропастъ на станціи, переждать два по-

ѣзда, повернуть назадъ; вѣсто востока очутиться на западѣ—очень ловко! Только со мной такъ не надо: изъ моихъ лапъ не уйдете. Фактъ на лицо. Долго ли вы меня здѣсь ждали?

Нина Алекс. Нѣтъ. Вы посѣли вѣвремя, чтобы меня компрометировать.

Пронорьевъ. Въ глазахъ общества—одинъ мужчина никогда не компрометируетъ женщины. Всѣ находятъ это вполне нормальнымъ. Вотъ еслибы ни одного не было,—ну, это было бы рискованно: пошли бы догадки, и васъ снабдили бы дюжиной. А вашъ мужъ... онъ меня и не замѣтитъ... не посмѣетъ замѣтить. Наконецъ, лишь бы онъ заплатилъ.

Нина Алекс. Мой милый, вы, кажется, погнались за мной даромъ... Онъ ничего не заплатитъ.

Пронорьевъ. Заплатитъ!

Нина Алекс. Нѣтъ, потому что я и не занимусь о деньгахъ.

Пронорьевъ. И это ловко. Пусть самъ заикнется.

Нина Алекс. Я не за тѣмъ пріѣхала.

Пронорьевъ. Такъ зачѣмъ же?

Нина Алекс. Это все равно.

Пронорьевъ. Уже не жажда ли семейнаго счастья послѣ бурныхъ петербургскихъ авантуръ?

Нина Алекс. Можетъ быть! (*Переходитъ нальво.* *)

Пронорьевъ. Затаенная мечта въ теченіе двѣнадцати лѣтъ? Трогательно! Впрочемъ, всѣ женщины на одинъ покрой: изъ семьи рвутся на волю, а съ воли въ семью. Когда вы убѣждали со мной отъ моего *ci-devant* друга, я думалъ, что вы созданы не изъ того тѣста, которое идетъ на добродѣтельныхъ женъ.

Нина Алекс. (*голосомъ полнымъ муки*). Перестаньте, перестаньте, ради Бога, избавьте меня отъ вашихъ издѣвательствъ! Вѣдь живой же я человѣкъ! Хочется же мнѣ хоть теперь, когда жизнь почти кончена, забыть прошлое, укрыться отъ этой трескотни, шумихи, которыми вы меня окружили. (*Съ тяжелой толстой*) Укрыться или въ семью, или ужъ въ могилу!

Пронорьевъ. Равносильно.

Нина Алекс. (*какъ бы самой себя, не обращая на него вниманія*). Надо спастись... надо... послѣднія силы въ себѣ пробудить... заглушить всякую совѣсть... играть, ломаться, ничего не щадить, лишь бы взять свое... лишь бы найти наконецъ покой.

Пронорьевъ. Полноте! Покой вамъ надоѣстъ... «А онъ, мятежный, ищетъ бури»... Такъ и вы.

Нина Алекс. Бури? Да, бури... въ болотѣ, гдѣ тина, да грязь!

Пронорьевъ. Надоѣла мнѣ ваша философія!

*) П. Н. А.

*) Н. А., П.

Глухія тремоло въ голосѣ, трагическіе взгляды... Изясняйтесь вы членораздѣльно.

Нина Алекс. Довольно! Я ваши циничныя выходки знаю. Уйдите отсюда.

Пропорьевъ (*топнувъ ногой и схвативъ ее за руку*). Ну, безъ увертокъ! На меня не дѣйствуетъ. Говори сейчасъ же: что ты тутъ затѣваешь? Если ты думаешь отдѣлаться отъ меня и прикарманить себѣ одной шкуру твоего мужа — ошибаешься. Я посядѣлъ въ дѣлахъ. Отъ меня не увернешься.

Нина Алекс. Кончимъ разъ навсегда. Мы ненавидимъ другъ другу. Все давно порвано. Въ эти двѣнадцать лѣтъ я все пережила, что можетъ пережить женщина. Я тебя безъ ума любила. Жила твоей волей. Была твоей собакой. За минуту счастья съ тобой я шла на поворъ, куда ты меня толкалъ самъ. Что ты мнѣ далъ за это? Окунулъ меня въ грязь, унижалъ, грабилъ, продавалъ. Давно уже все это убило любовь. Но осталась проклятая привычка. Не было силъ отойти отъ могилы, гдѣ я все похоронила: честь, стыдъ, любовь... всю, всю жизнь... что я могу еще дать тебѣ? Что тебѣ нужно?

Пропорьевъ. Триста тысячъ.

Нина Алекс. (*овладѣвъ собой вполнѣ*). У васъ нѣтъ никакихъ правъ надо мной, чтобы стиломъ ихъ такъ дорого выкупать.

Пропорьевъ. Да я никогда по праву ничего не бралъ. Ну, мнѣ надо ѣхать, и потому потрудитесь меня выслушать и слова не прорзнить: я привыкъ къ извѣстному образу жизни, который вы знаете. Для него у меня средствъ нѣтъ. Благодаря вашей глупости и петербургскому скандалу, у меня въ будущемъ одинъ ресурсъ: вашъ мериносъ. Поступайте съ нимъ по вашему усмотрѣнію, но знайте (*Подчеркивая*), если я не получу своего — я ни себя, ни тѣмъ менѣе васъ не пожалею. Поймите хорошенько... (*беретъ ее руку*) хорошенько! (*Смотрятъ другъ на друга*.) До свиданья, мой ангелъ! (*Цѣлуетъ ее руку въ ладонь и уходитъ черезъ балконъ*.)

Нина Алекс. (*остается на мѣстѣ, потомъ вздрагиваетъ нервно вслѣдъ тѣломъ*). Страшно... что будетъ? Страшно... Нѣтъ, надо хоть изъ послѣднихъ силъ выбиться, только бы вырваться изъ его рукъ... и отдохнуть... (*Быстро идетъ къ двери направо. Слыся лакей*.)

Лакей. Господинъ Волинцевъ.

Нина Алекс. Просите. (*Лакей уходитъ. Нина Александровна оправляется. Потомъ спокойно потрепшему идетъ на встѣпу*.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Волинцевъ. Нина Александровна *).

Волинцевъ (*войдя кланяется*). Зачѣмъ вамъ угодно было меня видѣть?

Нина Алекс. (*протягиваетъ ему руку, которой онъ не беретъ*). Совсе не для того, чтобы ссориться съ вами. Здравствуйте. Садитесь. (*Жметъ ему руку и слегка ведетъ его къ кресламъ*.) Мы давно не видались. Ровно столько времени, чтобы прошлое не мѣшало намъ встрѣтиться, какъ хорошимъ друзьямъ. Да или нѣтъ?

Волинцевъ (*непріятно пораженный ея интимнымъ тономъ*). Позвольте мнѣ рѣшить этотъ вопросъ послѣ нашего свиданія. Если насъ и сдѣлаетъ что-нибудь друзьями, то во всякомъ случаѣ не то, что было до сихъ поръ.

Нина Алекс. (*живо*). Да, это правда, это правда... То, что было до сихъ поръ — невозможно... Я хочу другого, новаго, потому что я сама теперь новая, другая...

Волинцевъ (*недовѣрчиво вглядываясь въ нее*). Не знаю...

Нина Алекс. А вы — вы прежній — холодный, далекій... А еслибы вы хоть немного жалѣли меня... Ну, не надо, не надо... Здорова моя Аня?

Волинцевъ (*вздрыгнувъ*). Кто?

Нина Алекс. Моя дочь.

Волинцевъ. Здорова.

Нина Алекс. Могу я ее видѣть?

Волинцевъ. Нѣтъ. (*Молчаніе. Долго смотря другъ дружку въ глаза, молча*.)

Нина Алекс. Это жестоко. Скажите мнѣ, если женщина прощаетъ невѣрность мужнинѣ, невѣрность безъ увлеченія, безъ тумана страсти, отчего мужчина не простить никогда?

Волинцевъ. Я общихъ вопросовъ не разрѣшаю.

Нина Алекс. Но за мой проступокъ вы меня слишкомъ жестоко наказали.

Волинцевъ. Тѣмъ, что не убилъ васъ тогда на мѣстѣ, а далъ вамъ свободу? Въ самомъ дѣлѣ жестокое наказаніе.

Нина Алекс. Еслибы вы убили меня, значитъ, вы меня любили бы. Прогнать, лишить меня семьи и ребенка — значило только показать мнѣ, что вы меня презираете. О другихъ доказательствахъ вашего равнодушія я не хочу говорить. Тогда я была молода, я искала не тихой любви, которой я не понимала... Я хотѣла страсти, огня, увлеченія — и сгорѣла на этомъ огнѣ. А вы толкнули меня въ пропасть съ отвращеніемъ и презрѣніемъ. Какъ мужъ, вы были правы. Но для любящаго человѣка вы поступили бездушно.

Волинцевъ. Съ тѣхъ поръ прошло двѣнадцать лѣтъ. Кто бы изъ насъ ни былъ виноватъ — вспоминать, обвинять и судить слишкомъ поздно.

Нина Алекс. Никогда не поздно простить. Простите меня!

Волинцевъ. Нина Александровна, кончимъ все искреннимъ объясненіемъ, — чего вы хотите?

*) Н. А., В.

Нина Алекс. Верните меня. (*Волынецъ встаетъ.*) Стойте, я знаю: вы любите другую. Я не буду вашей женой. Я сама принесу въ жертву всю мою личную жизнь. Я буду монахиней, затворницей въ вашемъ домѣ. Вы меня и не замѣтите въ немъ. Позвольте мнѣ только быть около васъ, служить вамъ, глядѣть вамъ въ глаза, быть вашей сестрой. Я поѣду съ вами къ той, кого вы любите, я отнесусь къ ней какъ къ жевшицѣ, которая во сто разъ выше и лучше меня, и, клянусь вамъ, заставлю всѣхъ отнестись къ ней такъ же. Устала я, Сергій Владиміровичъ, невыносимо устала... Одна, всю жизнь и до конца жизни... пожалѣйте меня!

Волынецъ. Мнѣ васъ дѣйствительно жалъ.

Нина Алекс. Клянусь вамъ, я на это нѣкогда маленькое право. Во всей моей жизни было одно увлеченіе. Оно охватило меня, закружило, отдало во власть одного... и онъ заплатилъ мнѣ за ваши страданія, за мою вину передъ вами такимъ адомъ... я заслужила его и не искала больше счастья. Я думала только забыться въ вихрь дѣловой, шумной, блестящей жизни и, скажу вамъ, не теперь, а гораздо, гораздо раньше я на колѣняхъ вымолила бы ваше прощеніе, еслибы хватило силъ вырваться изъ его рукъ... Я никогда, никого, ни о чемъ не просила, теперь я, какъ собака, готова ползать у вашихъ ногъ. (*Быстро опускается на колѣни и целуетъ его руку.*)

Волынецъ. Встаньте, не унижайтесь. Это ни къ чему не приведетъ. Мы давно чужіе. И не потому, что я полюбилъ другую, но потому что вы... не могли и не можете любить.

Нина Алекс. Неправда!

Волынецъ (*со страшной силой, почти громовымъ голосомъ*). Нѣтъ, правда! Я понимаю, можно разлюбить человѣка и уйти съ другимъ, но позорить его въ его собственномъ домѣ, рядомъ съ колыбелью его дочери позорить его съ человѣкомъ, который играетъ роль его друга, дѣлать это съ подлой ловкостью и смѣяться надъ честью, надъ сердцемъ, надъ любовью его... и надъ какой любовью!.. Впрочемъ, вы вѣрны себѣ... Я помню эти же змѣиные ласки, эти же красивые глаза, которые умѣли лгать такъ же хорошо, какъ лгутъ теперь... Я вижу васъ насквозь и въ вашу искренность теперь я вѣрю: разбитая и пресыщенная, вы хотите отдыха отъ вашихъ оргій. Отдыхайте, гдѣ хотите, но не тамъ, гдѣ живетъ моя дочь, не тамъ, гдѣ вы сдѣлали все, чтобы опозорить и убить ее отца.

Нина Алекс. Она знаетъ?! Нѣтъ, этого не можетъ быть... вы не посмѣли ей сказать.

Волынецъ. Я не хотѣлъ, хотя и имѣлъ на это полное право. Цѣните это и не лишайте себя этого высокаго счастья.

Нина Алекс. Я хочу ее видѣть.

Волынецъ (*молча глядитъ на нее*). Зачѣмъ?

Нина Алекс. (*блѣдная, выпрямившись во весь ростъ*). Затѣмъ, что я ее мать! Затѣмъ, что она меня пожалѣетъ и все мнѣ проститъ.

Волынецъ. И вы хотите посвятить вашу дочь въ грязь вашего прошлаго? Еслибы вы въ самомъ дѣлѣ ее любили, вамъ бы и мысль эта не могла придти.

Нина Алекс. Чтобы имѣть право бросить мнѣ это оскорбленіе, нужно было остаться самому чистымъ передъ ней и не отдавать ее съ дѣтства въ руки вашей любовницы. (*Переходитъ направо.* *)

Волынецъ. Молчи, или я... (*сдержавшись, закрываетъ руками лицо*). Впрочемъ, правды въ васъ никогда не было, какъ не было и сердца. Вы сами отказали мнѣ въ разводѣ и теперь смѣете оскорблять дѣвушку, которая пожертвовала мнѣ своей честью. Бросили дочь и третируете съ высоты вашего легальнаго права ту, которая освѣтила ее бѣдное, одинокое дѣтство. Когда я послѣ вашего отъѣзда лежалъ больной, съ разбитыми нервами, близкій къ помѣшательству, Нюта прибѣгала ко мнѣ и рассказывала про семью, гдѣ она нашла и ласку и пріютъ. Не зная меня, эта дѣвушка научила мою дочь читать, молиться, думать, научила ее тому, чему вы не могли ее научить: быть вѣрной своему долгу. И я ее полюбилъ. Полюбилъ за то, что она спасла мою дочь.

Нина Алекс. (*решиво*). Она не имѣла на это право... И вы не смѣли этого допустить... Я верну ее любовь, она забудетъ, она возненавидитъ ее, эту разлучницу... Привезите ее ко мнѣ сегодня же, или завтра я пріѣду сама... Я ничего не испугаюсь... Я подниму весь городъ противъ васъ, если вы посмѣете меня не пустить къ ней.

Волынецъ. Такъ?!

Нина Алекс. Такъ! Я у вашихъ ногъ сейчасъ ползала, я молила прощенія... Вы отпихнули меня... Вы забыли, что, кто бы я ни была въ вашихъ глазахъ, отрывать отъ меня мою дочь никто въ мірѣ не смѣетъ... Въ ней все мое будущее, въ ней умереть мое прошлое.

Волынецъ (*очень сильно*). Нѣтъ дѣла, повторяю, нѣтъ дѣла моей дочери до вашего прошлаго. Не хочу я, чтобы оно коснулось ея, и не коснется. (*Идетъ къ дверямъ.*)

Нина Алекс. (**) (*схвативъ его за руку*). Стойте... Въ послѣдній разъ: пожалѣйте меня. У меня нѣтъ, поймите, нѣтъ ничего впереди... ничего... смерть у меня въ душѣ... Не лгу же я теперь. Дайте мнѣ только увидать ее... Вѣдь

*) В., Н. А.

**) Н. А., В.

это же мое право, его у меня никто не может отнять... даже я сама... Вѣдь это вся моя радость, вся моя надежда теперь... (*Рыдаетъ.*)

Волынцевъ (*глядя на нее*). Слушайте: я вамъ позволю видѣться съ ней...

(*Нина Алекс., страшно радостно вскрикнувъ, кидается къ нему. Онъ ее останавливаетъ.*)

Волынцевъ. Стойте... Но если вы воспользуетесь этимъ свиданіемъ для вашихъ цѣлей, если это свиданіе нарушитъ ея душевный покой, знайте, что я разочтусь съ вами за ея счастье полнѣе, чѣмъ разсчитался за свое.

Нина Алекс. Я увижу ее сегодня? Вы привезете ее?

Волынцевъ. Нѣтъ, вы увидите ее у меня. Вы ни однимъ словомъ не выразите желанія жить со мной или взять Нюту къ себѣ. Вы не позволите себѣ ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ оскорбить ту женщину, которая ее воспитала. Я уже не прошу у васъ развода. Онъ мнѣ будетъ бесполезенъ послѣ вашего

свиданія съ Нютой. Затѣмъ, вы уѣдете, я буду иногда давать вамъ возможность видѣться. Это все, что я могу сдѣлать, и только на этихъ условіяхъ вы ее увидите сегодня, въ 4 часа, у меня. Вы согласны?

Нина Алекс. (*поднявъ голову, сдержаннымъ, оскорбленнымъ тономъ*). Согласна. (*Волынцевъ кланяется и уходитъ. Нина Александровна мрачно и задумчиво опускается въ кресло.*)



ДѢЙСТВІЕ III.

Обстановка перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анонса Андреевна сидитъ направо и кладетъ на счетахъ. **Ольга Николаевна** входитъ *).

Анонса Андр. Откуда ты, Олечка?

Ольга Никол. Была въ саду. (*Садится на противоположной сторонѣ.*)

Анонса Андр. Розы распустились?

Ольга Никол. Кое-гдѣ. (*Молчаніе. Ольга Николаевна задумалась. Анонса Андреевна щелкаетъ на счетахъ.*) Гдѣ Нюта?

Анонса Андр. Не выходила. (*Опять молчаніе. Анонса Андреевна съ прохотомъ бросаетъ счеты.*) Экій денекъ! Хотъ бы шелхнулся кто! Разбрелись по угламъ, точно съ похоронъ. (*Встаетъ.*)

Ольга Никол. (*про себя, едва слышно*). Такъ и есть.

Анонса Андр. Ну, что ты? Вѣрь ты моему слову: ничего изъ этого не выйдетъ. Профинтилась барынька по столицамъ, пріѣхала денегъ просить — вотъ и все. Можетъ еще все къ лучшему. Нужно ей, скажите пожалуйста, такое сокровище, какъ Сергій Владиміровичъ! У нея, поди, тамъ адъютанты, да кирасиры кишмя кишатъ. Слушить тысячонокъ 50 съ мужа, да и вертнеть хвостомъ. Ну, а конечно,

сначала поугатъ захотѣла, вѣдьму эту прислала... Ты ее-то разглядѣла? Вотъ она гдѣ гидрато! Въ старухѣ этой... Вы вотъ всѣ мнѣ не вѣрите и не слушаете меня, а я по одному взгляду людей разбирать могу. Прошелъ мимо человѣкъ, я его будто и не замѣтила, а ужъ онъ у меня вотъ, весь на ладошкѣ. Такъ-то! Потому я тебѣ и говорю: ничего изъ этого не выйдетъ. Мыльный пузырь!

Ольга Никол. Зачѣмъ это говорить, мама? Утѣшать меня не надо. Я хорошо вижу, что намъ теперь грозитъ, это расчесть за все мое счастье. Я слишкомъ много и слишкомъ долго была счастлива.

Анонса Андр. Экое счастье, подумаешь! Всю жизнь въ заперти, ни блеску, ни этой роскоши, чтобы передъ людьми. Есть за что расчитываться.

Ольга Никол. Да что же выше-то, мама? Я была нужна, дорога тому, кого я больше себя любила. А на это первое, лучшее женское счастье я не имѣла права: я не была его женой. Около меня росла его дочь, въ ея глазахъ я видѣла и слезки, и смѣхъ, я ее учила читать, видѣла, какъ разгорались ея щечки отъ моихъ рассказовъ; на моихъ колѣняхъ она засыпала — и на это я права не имѣла: я не была ея матерью. Что теперь случилось, должно было случиться.

Анонса Андр. (*сдерживая слезы*). Да ты подумай...

*) О. Н., А. А.

Ольга Никол. Сейчас я въ саду гуляла, и такъ у меня все живо встало въ памяти... тоже весной было... и розы цвѣли... и въ душѣ точно билось и рвалось что-то наружу... пѣло и звало куда-то... онъ взялъ мою руку... на глазахъ слезы сверкнули... и тихо, тихо опустился онъ на колѣни... Я положила руку на его голову, мы оба молчали, и все его прежнее горе растаяло въ этихъ слезахъ... (*Надорванными, сдавленными голосомъ*) А теперь... теперь разсчитать. (*Справа входитъ Нюта.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Нюта *).

Нюта (*не глядя ни на кого*). Папа не возвращался?

Ольга Никол. Нѣтъ еще.

Нюта (*также*). Когда онъ пріѣдетъ, мнѣ нужно его видѣть... Пожалуйста пришлите сказать.

Анонса Андр. Да побудь съ нами, Нюточка...

Нюта. Благодарю васъ. Мнѣ одной лучше. (*Уходитъ обратно.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

Анонса Андреевна и Ольга Николаевна.

Ольга Никол. (*смотритъ на мать*). Не права я была?

Анонса Андр. (*растерянно*). Да вотъ какъ... Ну, конечно... (*Быстро, рѣзко встаетъ*). Только я этому не вѣрю. Хотя убей, не вѣрю! Откуда это можетъ быть, откуда? Не знаю, какъ ты, а я голову на плаху положу, что черезъ недѣлю все быльемъ поростетъ.

Ольга Никол. (*мисорадожно*). Не поростетъ это быльемъ... Я этого ждала какъ смерти: рано или поздно... Тутъ ни объясненіями, ни словами не можешь... Тутъ сердце заговорило, — и все остальное молчи... (*Перемигнувъ томъ, но-прежнему спокойно и тихо, но дѣлая надъ собой страшное усиліе.*) Мамочка, тутъ ужасно душно... Я буду въ саду. Нѣтъ, нѣтъ... я сейчасъ вернусь... подождите меня. (*Уходитъ нальво во вторую дверь.*)

Анонса Андр. (*проводя дочь глазами, промогласно*). То-есть, такая меня досада разбиваетъ, что хотъ бы поколотить кого-нибудь... (*Входитъ изъ 2-й двери Хворостневъ*). А, ваше превосходительство! Откуда плететесь?

ЯВЛЕНИЕ IV.

Анонса Андреевна и Хворостневъ *).

Хворостневъ (*молча садится въ кресло*

нальво и зажимуриваетъ глаза. Большое молчаніе. Потомъ оглядывается кругомъ и говоритъ слабымъ голосомъ, опять съ зажмуренными глазами). Сестра, ставь воды... (*Анонса Андреевна подаетъ. Онъ вынимаетъ пузырьскъ, отсчитываетъ нѣсколько капель, выпиваетъ. Потомъ изъ другого пузырька третъ себя виски. По окончаніи, испустивъ слабый вздохъ.*) Вотъ какъ она меня разстроила! (*Роняетъ голову на грудь*).

Анонса Андр. (*потерявъ терпѣніе*). Да ты отъ нея?

Хворостневъ (*киваетъ головой*). Отъ нея!

Анонса Андр. Ну, и что же? (*Онъ тяжело вздыхаетъ*). Да отдышись ты! То по часамъ размазываетъ, то слова путнаго не добьешься.

Хворостневъ. Какой неожиданный tour de force! Я потерялъ почву. Представь себѣ, ты крадешься къ чему-нибудь съ милліономъ предосторожностей, и вдругъ въ одномъ изъ темныхъ уголковъ, гдѣ ты притаился, тебѣ прямо къ глазамъ поднесли яркій свѣтильникъ. И кругомъ тебя цѣлая толпа, и всѣ на тебя уставились. Твоя цѣль открыта. Твои пути освѣщены... Ты обличенъ, и почва изъ-подъ твоихъ ногъ ушла. Вотъ въ какомъ положеніи я очутился.

Анонса Андр. Остался въ дуракахъ?

Хворостневъ (*разводя руками*). Остался!

Анонса Андр. (*съ презрѣніемъ глядя на брата*). Ахъ ты, гордость семьи! Ахъ ты, фамильный дипломатъ! (*Копируя сію*). „У меня есть планъ! Я все устрою!“ Уж не путался бы ты, коли смекалки Богъ не далъ.

Хворостневъ. Сестра, прошу тебя, уйди ты отъ меня. Я теперь такъ разстроенъ, что за себя отвѣчать не могу.

Анонса Андр. Ты же отвѣчать не можешь, ты? Чучело ты, чучело гороховое, и больше ничего!

Хворостневъ (*сжавъ кулаки, поднимается съ кресла*). Сестра... (*Падаетъ опять*). Суди тебя Богъ!

Анонса Андр. Зачѣмъ ты сунулся! Ты еще тамъ, поди, нивѣсть чего наплелъ? Можетъ, ей же въ руку сыгралъ?

Хворостневъ. Ну, я на такія предположенія и отвѣчать не стану. Слава Богу, у меня есть репутация. Но я въ жизни моей не встрѣчалъ такой женщины. Это хамелеонъ, это что-то удивительное... Это самъ Макіавель!.. Сознаюсь, я разбитъ, разбитъ въ дребезги, но это меня не унижаетъ, потому-что я имѣлъ дѣло съ первоклассной пельмой.

Анонса Андр. Да ужъ почище тебя.

*) О. Н., А. А., Н.

*) Х. А., А.

Хворостневъ. Я-то думалъ, что она одна, никого въ городѣ не знаетъ... и что же? У нея цѣлая свита. Вѣра любезничаетъ и разсыпается; Курчина везетъ ее къ Софѣѣ Оедоровнѣ, генераль—къ полицеймейстеру...

Анонса Андр. Ее?

Хворостневъ. Да не ее! Самъ ѣдетъ. Чуть я вошелъ, всѣ на меня набросились: у нихъ ужъ цѣлый планъ составленъ. Вѣрѣ откровенія уже являлись, духи ее трогали во время созерцанія... Молодецъ, молодецъ баба. Въ одинъ-то день... Вѣдь онѣ и на меня такъ напали, что я еле выворачивался... Очень ловко, правда, ни да, ни нѣтъ. Наконецъ, подготовивъ почву, говорю нѣтъ: согласенъ, вашъ,—и предлагаю ей уѣхать на время, чтобы я могъ дѣйствовать свободно. Какъ вдругъ она обращается ко всѣмъ присутствующимъ, говоритъ, что я ея врагъ, и подробнѣйшимъ образомъ рассказываетъ, зачѣмъ и почему я къ ней прѣбывалъ. Какова? Что тутъ пошло—разсказывать невозможно... Я и этакъ, и такъ...

Анонса Андр. Ну, и сѣлъ въ лужу и этакъ, и такъ! Ахъ ты фоганъ, фоганъ! Чтобы ты и носу теперь не совалъ въ это дѣло, слышишь?

Хворостневъ. Да какой же я вредъ принесъ, скажи ты мнѣ пожалуйста? Мы теперь все-таки знаемъ, какого плана она будетъ держаться. А до сихъ поръ мы ничего не знали. Знаешь, кто на ея сторонѣ. А до сихъ поръ мы ничего не знали.

Анонса Андр. Знаемъ, кто у насъ фоганъ. А до сихъ поръ мы ничего не знали. Скажите, какія новости сообщили! Да о чемъ я вамъ утромъ-то говорила? На кого указывала? Отъ кого уговаривала бѣжать? Не отъ этого же гнѣзда Курчиныхъ, да Быкаевыхъ? Что же ты новаго выудила? Только репутацію себѣ испортила. По всему городу теперь разговоръ пойдетъ, какого ты дурака слонала.

Хворостневъ. (попльннть). Ты думаешь пойдеть разговоръ?

Анонса Андр. Бѣжалъ бы ты въ Бразилію, сокровище мое, съ неграми финтить. Нечего тебѣ тутъ дѣлать. Намъ лисы хвосты не голятся. Пускай хоть цѣлая сотня такихъ, какъ Курчины, съ ней стакнутся, какія ни на есть такъ сѣти плетутъ, ни я, ни Оля и ухомъ не поведу. Ниже насъ это, слышишь? ниже! И чтобы я не слыхала отъ тебя про твои подвохи и подлости. Они только мараютъ.

Хворостневъ. Уложи меня гдѣ-нибудь отдохнуть. Я съ тобой теперь не въ силахъ разговаривать. Ты вотъ меня ужъ подлецомъ начинаешь называть.

Анонса Андр. Иди на половину Сергѣя Владиміровича. Да ну, пошевеливайся... Чисто старая кляча, а туда же: у меня есть планъ... Ну, плетись, фоганъ, плетись! (Уходятъ на-вѣ въ первую дверь).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Волынцевъ и Ольга Николаевна (входятъ съ свѣта).

Волынцевъ *). Если-бы ты знала, что подялось во мнѣ, когда я ее увидѣлъ. Точно вчера все было. При мысли одной, что вся эта ложь, это зѣбное что-то опять обовѣтся около меня... да нѣтъ, не около меня, а около тебя, около Нюты... я едва сдерживалъ себя. Но все-таки я долженъ былъ согласиться на ихъ свиданіе.

Ольга Никол. И хорошо сдѣлалъ. Запрещать ей видѣть Нюту ты не можешь. Кто смѣетъ судить другихъ? Мы не знаемъ, что она пережила въ эти годы. Есть страданія, которыя все очищаютъ. Она прѣдетъ сюда?

Волынцевъ (садится направо въ кресло). Черезъ полчаса. Вамъ не надо видѣться. Я буду при ихъ свиданіи съ Нюткой. Оля! простишь ли ты мнѣ, что я тебѣ сдѣлалъ? Чѣмъ заплатилъ тебѣ за счастье, которое ты мнѣ дала?

Ольга Никол. Мнѣ прощать тебя? Мнѣ? Пусть сперва меня Богъ проститъ за то, какъ я жила...

Волынцевъ. Что ты говоришь?

Ольга Никол. Когда столько горя кругомъ, вездѣ, на каждомъ шагѣ, смѣла ли я такъ беззавѣтно отдаваться моему счастью? Я бы сейчасъ жизнь отдала, если-бы могла сказать себѣ: я заслужила то, что мнѣ послала судьба... Милый мой, милый, какъ тяжело мнѣ! Какъ страшно...

Волынцевъ. Оля! Оля! голубка моя..

Ольга Никол. Я гордилась своимъ счастьемъ. Я смѣла думать, что я должна была такъ поступить. Я считала себя выше людскаго суда. Развѣ я смѣла? Гдѣ мое право на эту жертву? Въ любви моей къ тебѣ и къ твоей дочери? Нѣтъ! Любовь—это само счастье, а не заслуга, не право на счастье. Я для себя жила, отдавая себя вамъ. Для себя жила, идя на поворъ, на общее осужденіе—и смѣла думать еще, что я въ правѣ его презирать... Если-бы ты зналъ, что у меня на сердцѣ! Я себя потеряла. Точно пропасть раскрылась предо мною. Правы тѣ, кто звалъ меня погибшей женщиной. Я—погибшая.

Волынцевъ. Объяснись, Оля, я не могу понять, откуда въ тебѣ все это? (Встаетъ.)

Ольга Никол. Откуда? Я скажу тебѣ. Съ ней тебя связываетъ—и связываетъ неразрывно—дочь. Со мной—ничего.

Волынцевъ. Ничего?

Ольга Никол. Ничего. Ты знаешь, я лгать не умѣю... Не будь Нюты... повѣрь мнѣ, я бы сжужла отстоять свое счастье. Но теперь, скажи мнѣ, умоляю тебя, какъ честный человѣкъ скажи: могъ бы ты отдать ей Нюту?

*) О. Н., в.

Волынецъ Нѣтъ.

Ольга Никол. А если-бы Нюта пожелала жить съ своею матерью, имѣешь ли ты право запретить ей это?

Волынецъ. Да! Да,—потому—что я не смѣю бросить чистую дѣвушку въ тотъ омутъ, куда она ее втянетъ.

Ольга Никол. И ты можешь сказать Нютѣ эту причину? Ты можешь раскрыть ей глаза? (*Беретъ ея за руки и пристально смотритъ ему въ глаза.*) Нѣтъ не можешь. Дѣтямъ не говорить о позорѣ ихъ матерей.

Волынецъ. И не нужно. Я не могу повѣрить, чтобы мать, которой Нюта не знаетъ, была ей дороже меня...

Ольга Никол. А если... Ну, положимъ даже, что такъ... Но пойми, пойми одно, Сережа: ей придется дѣлать выборъ между вами. Это ужасно! Надо такъ хорошо знать правдивый характеръ, свѣтлую, любящую душу Нюты, какъ знаю я, чтобы понять, чего ей будетъ стоить этотъ выборъ. Вотъ къ чему привело меня мое грѣшное, мое эгоистическое счастье. Пока ея мать была далеко, пока я могла какъ безумная тѣшиться мыслью, что для меня совершится чудо, что ослабнуть эти неразрывныя связи между ней и ея ребенкомъ,—я еще могла воровать мое счастье... Но теперь... теперь она тутъ... она требуетъ своего во имя природы, во имя закона, во имя того, что не дѣтямъ судить своихъ отцовъ или матерей... Она гонитъ меня... Но пускай даже такъ: ты съумѣешь заставить твою жену уѣхать, даже—положимъ, дать тебѣ свободу и женишься на мнѣ. Кѣмъ буду я въ глазахъ Нюты? Женщиной, укравшей имя ея матери, которая лгала ей до поры до времени, нарочно окружала ее любовью и заботами, чтобы заставить забыть ея мать. Она возненавидитъ меня какъ разлучницу, она перестанетъ тебя уважать... И быть причиной этого ужаса... Ни за что... Ни за что!...

Волынецъ. Что же дѣлать? Что?!

Ольга Никол. (*съ трудомъ*). Разстаться.

Волынецъ. Намъ?

Ольга Никол. Да. Пусть твоя жена войдетъ въ этотъ домъ, займетъ свое мѣсто. Прости ей все, забудь свою изломанную жизнь, свое личное счастье. Ты съумѣешь уберечь Нюту отъ ея вліянія; тебѣ это не будетъ трудно: въ ней живетъ чувство правды и долга, она умная, честная дѣвушка...

Волынецъ (*глубоко потрясенный*). А ты?

Ольга Никол. Я? Я буду любить тебя... до конца мой жизни. Пойми меня, Сережа; я была очень счастлива и долго... мнѣ пора заслужить мое счастье. Столько горя кругомъ, и тяжелаго горя...

Волынецъ (*встаетъ, тяжело переводя дыханіе*). Если ты способна на такое само-

отреченіе, то я... я на него не способенъ. Я какъ мужъ и отецъ не признаю ея правъ по чистой совѣсти и передъ Богомъ. Я принялъ на себя отвѣтственность за твое счастье, за всю твою жизнь, я принялъ отъ тебя тяжелую жертву, я обязанъ тебя отстоять—и отстою.

Ольга Никол. (*тоже вставая, не глядя на него*). Не хочу я борьбы. Я не вынесу ея. Дай мнѣ уйти теперь, когда я могу уйти, не упрекая себя ни въ чемъ... Я унесу съ собою любовь моею Нюты... Потомъ, когда она сама будетъ женщиной, она пойметъ и оправдаетъ меня. Пойми, Сережа, мнѣ нужно это оправданіе, въ себѣ самой я не нахожу его... Минута горя твоей дочери можетъ убить меня, потому что никто не смѣетъ брать своего счастья цѣною страданья другой, едва распустившейся жизни.

Волынецъ (*въ страшиномъ волненіи*). Оля, ты права. Я согласенъ съ тобою... и... мы разстанемся, если ты скажешь мнѣ, скажешь такъ же искренно и честно, какъ я отвѣчалъ тебѣ, что ты найдешь, если не счастье, то хоть успокоеніе въ нашей разлукѣ. (*Ольга Николаевна, вздрогнувъ, поднимаетъ голову, нервно глотая слезы, опять опускаетъ ее и не можетъ говорить.*) Я отпущу тебя, если ты скажешь, что ты... перестала любить меня такъ, какъ любила прежде.

Ольга Никол. (*вся измѣнившись*). Я... я перестала любить?! (*Судорожно, порывисто обнимаетъ его и прячетъ голову на его груди.*) Жизнь моя... Сердце мое... (*Глухо, тяжело рыдаетъ, потомъ отрывается отъ него.*) Знай, я всякую муку вынесу... рѣшай ты... я не могу... не въ силахъ. (*Быстро уходитъ направо, во вторую дверь. Волынецъ переходитъ налево и молча, тяжело опускается у стола, нервно сжимая грудь руками. Потомъ поднимаетъ голову, съ трудомъ переводя дыханіе. Пауза. Справа изъ первой двери выходитъ Нюта.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Волынецъ и Нюта *)

Нюта. Ты давно вернулся? Отчего мнѣ не сказали? Я просила.

Волынецъ. Я только сейчасъ пріѣхалъ.

Нюта. Ты былъ у мамы? (*Садится на стулъ рядомъ.*)

Волынецъ. Да. (*Молчаніе. Нюта ждетъ.*) Твоя мама навѣститъ тебя сегодня. (*Нюта молча глядитъ на отца.*) Ты давно хотѣла ее видѣть. Ты ее увидишь.

Нюта. Она останется съ нами?

Волынецъ. Нѣтъ.

Нюта. Почему?

Волынецъ. Нюта, ты второй разъ сегодня

*) В., Н.

задаешь мнѣ этотъ вопросъ. Что я могъ тебѣ отвѣтить на него, я отвѣтилъ.

Нюта. Мнѣ этого отвѣта мало, папа...

Волынецъ (*удивленный ея тономъ*). Ты со мной такъ никогда не говорила.

Нюта. Со мной и не было никогда того, что теперь. Прежде все, о чемъ я теперь думаю, какъ-то мелькало у меня въ головѣ. Да и какъ я могла объ этомъ думать? Любимая, балованная дѣвочка... развѣ я умѣла задумываться? Жила такъ себѣ, день за днемъ, въ то время, когда, можетъ-быть... Ну, это не то... А вотъ что главное... (*Очень напряженно*.) Я вотъ и теперь не могу схватить этого самого важнаго, самого главнаго...

Волынецъ (*съ болѣю глядя на Нюту*). Дорогая, бѣдная моя дѣвочка, что мнѣ дѣлать съ тобой?

Нюта (*встаетъ*). Что хочешь, папа, только раскрой мнѣ глаза. Дай мнѣ увидеть, что вокругъ меня дѣлается. Ты пойми: я каждого своего чувства боюсь, каждого порыва. Я весела, мнѣ стыдно, что я весела, точно я веселюсь въ то время, когда кто-то страдаетъ, и кто-то близкій, несчастный. Хочу я подойти къ Ольгѣ Николаевнѣ, къ бабушкѣ, приласкаться, отвѣтить на ихъ любовь, на ихъ ласки—и вдругъ у меня встаетъ мысль: а мама? Кто ее ласкаетъ? кто около нея? И вотъ хватаешь что-то за сердце, туманъ какой-то кругомъ... Каждый мой шагъ, каждое слово, каждая улыбка... я не знаю, я не увѣрена, такъ ли я дѣлаю, хорошо ли это, точно я виновата передъ всѣми,—пойми!—передъ всѣми, кто около меня, и передъ той, кто... должна быть тутъ со мной... Такъ нельзя жить, папа! (*Падастъ въ кресло направо у кушетки. Волынецъ подходитъ къ ней.*)

Волынецъ (*глубоко потрясенный*). Такъ слушай меня, Нюта. Твоя мама сама... разлюбила меня и уѣхала... (*Съ большимъ трудомъ*) Она... она устроила себѣ свою, новую жизнь, не такую, какой живемъ мы... Я ее... страшно любилъ. Отъѣздъ ея меня сломилъ окончательно. Ты была крошкой тогда... Около тебя никого не было, кромѣ меня, больного, разбитаго... Ольга Николаевна встрѣтила тебя, полюбила, какъ можно любить только свое родное дитя. Съ тѣхъ поръ прошло 12 лѣтъ. Все это время и я, и твоя мать жили каждый своей, особенной жизнью. Подумай, Нюта, что можетъ теперь насъ связывать, какая будетъ наша жизнь вѣстѣ? Вотъ тебѣ вся правда...

Нюта. Нѣтъ, не вся... (*Встаетъ*.)

Волынецъ. Нюта!

Нюта (*съ усилемъ, но твердо*). Не вся... Вы могли не выдаться, не жить вѣстѣ, но я... Отчего ты имъ разу не повезъ меня къ ней? Отчего ты ей не позволялъ видѣться со мной?

Волынецъ. Я ей позволилъ теперь.

Нюта (*задумчиво и долго молчитъ*). Еще одно, папа... Еслибъ она захотѣла теперь взять меня къ себѣ... ты бы отдалъ?

Волынецъ. Ни за что, ни за что!

Нюта (*съ мучительной, глубокой тоской*). Почему?

Волынецъ. Потому что я люблю тебя, дѣвочка моя.

Нюта. А я, папа, милый... Нѣтъ, постой... а если ей я... нужнѣе, чѣмъ тебѣ?

Волынецъ. Я тебя не отдамъ ей, слышишь? Она отняла у меня слишкомъ много. Въ тебѣ все, что у меня осталось отъ моей прежней, молодой жизни.

Нюта. Папа, тогда... прости ей... вѣдь она виновата... прости ей... У меня счастья другого въ жизни не будетъ кромѣ того, чтобы сблизить васъ опять, помирить васъ...

Волынецъ (*глядя ей въ глаза, какъ бы стараясь угадать ея мысли*). Ты не знаешь, чего ты просишь. (*Входитъ лакей, подаетъ Волынецу карточку.*) Проси. (*Лакей уходитъ*). Твоя мама, Нюта. (*Нюта, поблѣднѣвъ, дѣлаетъ порывистое движеніе къ дверямъ* *). **Волынецъ** схватывается за руку. *Входитъ Нина Александровна.* **)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и Нина Александровна.

Нина Алекс. (*войдя останавливается, какъ бы въ сильномъ волненіи. Потомъ быстро подходитъ и обнимаетъ дочь*). Annette! Ma fille! (*Осыпаетъ ее поцѣлуями*.) Боже, благодарю тебя за это счастье! Ты меня припоминаешь, Анеточка, дорогая моя, милая... (*Садится рядомъ въ кресло, Нюту сажаетъ рядомъ съ собою на стулъ*.)

Нюта. Не знаю, мама... Я такъ рада... Я еще придти въ себя не могу.. Я не такой тебя представляла.

Нина Алекс. Какой же, дитя мое? (*Опять целуетъ*.)

Нюта. Ты мнѣ все... больной рисовалась... Гдѣ же я тебя видѣла... недавно?

Нина Алекс. Недавно?

Волынецъ (*съ тревогой сядя за ея движеніями*). Нюта, что ты...

Нюта. Недавно, недавно... Постой... нѣтъ, не помню... (*Глядя на нсе, задумчиво, повторяетъ*.) Мама, мама... моя мама... (*Прижимается къ ней*). Какая ты красавица... За чѣмъ ты забыла меня?

Нина Алекс. (*быстро взглядываетъ на мужа такъ, что Нюта замѣчаетъ этотъ взглядъ, и говоритъ точно не то, что х-*

*) Н., В.

**) Н. А., Н., В. за креслами справа.

чѣтъ сказать). Я виновата передъ тобой, сердце мое... Но я рвалась къ тебѣ, я бредила нашей встрѣчей... и дожидая до нея. (*Волынцеву, смиренно*) Благодарю васъ за эту незаслуженную милость.

Нюта (*замыслила ся въглядѣ и ея тонъ, грустно и съ болью*). Развѣ я не твоя, мама? Зачѣмъ же ты такъ говоришь? Я твоя—и ты пришла ко мнѣ.

Нина Алекс. (*подавлявъ волненіе*). Да, пришла, увидала тебя, моя единственная, моя любимая дѣвочка. Будешь же жить этой минутой, не думая, что будетъ потомъ. (*Волынцевъ тѣмъ же смотритъ на нее.*)

Нюта. Потомъ? Когда потомъ?

Нина Алекс. Когда я... опять останусь одна.

Нюта. Мама... не говори такъ, я не могу тебя видѣть такой... Меня это невыносимо мучаетъ. Вѣдь ты счастлива, не правда ли? Тебѣ недостаётъ только меня? Такъ скажи мнѣ и...

Нина Алекс. (*съ выраженіемъ силы и торжества на лицѣ*). И что?

Нюта (*вслезанно*). Вспомнила! Вспомнила, гдѣ я тебя видѣла! (Егодня утромъ, въ коляскѣ, и ты чуть не раздавила меня...

Нина Алекс. (*съ тревогой*). Когда? Гдѣ? Неужели? Милая...

Нюта (*съ веселымъ смѣхомъ*). Помнишь, паночка, я утромъ рассказывала? Съ акта я возвращалась... То-то я на тебя такъ заглядывалась... а ты такая гордая, такая величественная сидѣла... едва на меня взглянула... не то, что теперь... (*Очень весело и радостно*) Мамочка, я такъ теперь счастлива... такъ счастлива... и знаешь чѣмъ? Ты мнѣ все до сихъ поръ почему-то большой представлялась. Ужъ я сама не знаю почему! Потому ли, что ты на водахъ жила...

Нина Алекс. Я на водахъ? Никогда! (*Волынцевъ дѣлаетъ движеніе*).

Нюта (*подбѣдѣвъ*). Какъ?! Папа, а ты...

Нина Алекс. (*дѣлая знакъ Волынцеву, такъ, что Нюта это видитъ*). Впрочемъ, я не помню... можетъ быть...

Нюта. Гдѣ же ты жила все время?

Нина Алекс. Въ Петербургѣ.

Нюта. Одна?

Нина Алекс. Съ твоей бабушкой...

Нюта. Которая къ намъ сегодня утромъ привѣзжала?

Нина Алекс. Да.

Нюта. А отчего ты ее теперь не привезла? Вѣдь я ее совсѣмъ не знаю.

Нина Алекс. Какая ты живая, любопытная... ты меня засыпала вопросами. Расскажи мнѣ лучше о себѣ: какъ ты жила, что дѣлала, что думала? Помнила ли меня или...

Нюта. Помнила ли? какъ жила?... Жила бы я чудно, мама, потому что и папа, и бабушка,

и Ольга Николаевна такъ добры, такъ меня любятъ, такъ меня лелѣютъ... Что съ тобой, мамочка?

Нина Алекс. Ничего, ничего, продолжай...

Нюта. А помнила ли я тебя... ты объ этомъ у папы спроси. Дня не проходило, чтобы я не тосковала о тебѣ, не думала, гдѣ ты, что съ тобой, и главное—счастлива ли ты?

Нина Алекс. *). Сергѣй Владиміровичъ, отчего же я этого не знала? Какъ?! Моя дочь меня ждетъ, тоскуетъ по мнѣ цѣлые годы, и я ничего не знаю! За какое преступленіе можно меня такъ казнить?

(Нюта съ волненіемъ и любовью смотритъ на нее.)

Волынцевъ (*тяжело дыша, опускаетъ руки, сильно сдерживая себя*). Намъ не время и не мѣсто объясняться теперь. Вы должны помнить наши условія.

Нина Алекс. (*со слезами*). Но вѣдь это жестоко, Сергѣй Владиміровичъ. Если я виновата, пусть она знаетъ все, и судить меня, и рѣшить, чего я стою.

Волынцевъ (*кидаясь къ нимъ*). Ни слова...

Нюта (*обнимая мать, помужающимся, но рыскающимъ тономъ*). Папа! Папа!

Волынцевъ (*вздвинувъ, останавливается; посылъ молчанія*). Взгляните на вашу дочь... она любитъ васъ такъ, какъ будто выросла на вашихъ рукахъ. Отъ меня завистло добиться другихъ результатовъ. Будьте же достойны этой любви: пощадите въ ней дочь и ребенка. Не ей судить васъ или меня.

Нина Алекс. Нѣтъ, Сергѣй Владиміровичъ, васъ она судить не можетъ. Вы жили съ ней, вы вырастили ее. Вы окружили ее новой семьей, и эта семья исполнила мой долгъ, получила ту любовь, которая принадлежала мнѣ одной. Я жила въ ея душѣ какъ тѣнь, какъ воспоминаніе, какъ мертвая. Но я жива. Я измучена, я одинока, но я жива. Я грѣшна, но никто въ мірѣ, ни за какіе грѣхи, какъ бы тяжелы они ни были, не смѣетъ отнять у жєня тѣ права, которыя есть у меня, пока я жива. И это право—быть около нея. Я его уступила вамъ, я не требовала его раньше: одиночествомъ, тоской, невыразимыми муками и искупила мой единственный грѣхъ, преступленіе... позоръ, назовите его какъ хотите... И вотъ теперь я чувствую, что я изнемогла. Не какъ права,—какъ милости я умоляю васъ: верните мнѣ мою дочь.

Нюта (*рыдая*). Папа! Папа! Ты слышишь? Ты не можешь отказать!... (*Бросается къ нему.*)

Волынцевъ (*въ отчаяніи*). Нина Александровна, что же вы дѣлаете со мной? На что вы меня ведете! Вѣдь есть же хоть капля состраданія въ вашемъ сердцѣ?

*) Встаєтъ. Н. А., Н., В.

Нина Алекс. Вы же говорите о состраданіи! Отталкиваете меня теперь... когда вся душа моя плачетъ передъ вами... Не вы, не вы это дѣлаете... пусть Богъ проститъ той, кто все у меня отняла. *(Ольга Николаевна показывается въ глубинѣ сцены. Ея не замѣчаютъ.)*

Нюта. Что?

Нина Алекс. Но мнѣ ничего не нужно... Отдайте мнѣ Нюту, позвольте мнѣ жить съ ней... И я верну вамъ вашу свободу...

Волынецъ *(быстро подходитъ къ Нинѣ Александровнѣ).* Уѣзжайте сейчасъ!

Нина Алекс. Да, виѣсть съ моей дочерью.

Волынецъ *(внѣ себя).* Съ ней? Въ ваши вертепы? Мнѣ легче убить ее, чѣмъ отдать въ руки такой...

Нюта *(страшно вскрикнувъ).* Панаа!

Нина Алекс. *(бѣдная, съ сверкающими глазами).* За что вы оскорбляете меня? Что я сдѣлала?

Волынецъ. Имени нѣтъ тому, что вы сдѣлали! Убийца остановится передъ чистымъ взглядомъ ребенка, а вы... Счастье ваше, что вы ея нать. *(Переводитъ дочь, отбывая ее собой отъ Нины Александровны. *)*

Нина Алекс. И поэтому на ея глазахъ вы смѣете меня унижать передъ женщиной, которая вамъ дороже насъ обѣихъ? *(Указываетъ на Ольгу Николаевну. Съ возрастающей силой.)* Которая смотритъ и любитъ своимъ горемъ, наслаждается своимъ торжествомъ! Ей мало было отрѣзать мнѣ всѣ пути къ моему дому, моему мужу, ей нужна была и моя дочь... И вы все отдали ей... И теперь, когда я, какъ нищая, молю минуты свиданія съ моимъ ребенкомъ, вы гоните меня, а она остается съ ней... Я уѣзжаю, но вѣрь мнѣ, моя дѣвочка, я вырву тебя изъ этого ошута, хотя бы

это мнѣ стоило жизни моей... Я спасу тебя! *(Идетъ.)*

Ольга Никол. *(бросается къ ней).* Стойте...

Нина Алекс. *(гордо и презрительно).* Я васъ не знаю. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ IX.

Волынецъ, Нюта и Ольга Николаевна **).

Нюта. Что же это... папа! Значитъ все, что я считала возмутительной клеветой... все, все правда? Папа, папа, зачѣмъ ты меня обмануль?

Волынецъ. Нюта, ты...

Ольга Никол. *(быстро).* Не онъ, Нюта... Я одна во всемъ виновата... одна я!

Нюта. *(съ отвращеніемъ и ужасомъ).* Отойдите отъ меня! *(Шатаясь отступаетъ.)*

Волынецъ. Нюта!

Ольга Никол. *(съ тяжелымъ стономъ).* А! Я верну ее... верну. *(Кидается вслѣдъ за Ниной Александровной.)*

Нюта *(еле держится на ногахъ).* Папа, зачѣмъ ты меня обмануль? *(Падаетъ безъ чувствъ.)*

Волынецъ. Помогите! *(Вбѣгаютъ Аня и Андрей и люди.)*



ДѢЙСТВІЕ IV.

Обстановка второго дѣйствія.

ЯВЛЕНИЕ I.

Пронорьевъ *(входитъ справа), потомъ Арина Пантелеевна.*

Пронорьевъ *(пройдя налѣво, стучитъ въ дверь).* Нина Александровна!

Арина Пант. *(за сценой).* Ея нѣтъ.

Пронорьевъ. Куда уѣхала?

Арина Пант. *(высовывая голову изъ-за дверей).* Къ намъ домой.

Пронорьевъ *(удивленный).* Куда домой? Да что вы изъ-за рѣшетки бесѣдуете. Пожалуйста сюда!

Арина Пант. Извините. Мнѣ нельзя, какъ я въ кофтѣ...

Пронорьевъ. Ахъ неисправная кокетка! Не бойтесь. Я человекъ скромный. *(Арина Пантелеевна входитъ слева.)* Объясните пожалуйста, гдѣ это вашъ домъ?

**) О. Н.—въ глубинѣ налѣво Нюта кидается къ матери и останавливается въ серединѣ между О. Н. и В.

*) Н. А., О. Н.—глубже; В., Н.

Арина Пант. У мужа, конечно! Какой странный вопросъ! (*Переходитъ направо.* *)

Пропорьевъ. Неужели странный? Какъ же это случилось?

Арина Пант. Очень просто: они помирились. Пріѣхалъ къ намъ, все какъ слѣдуетъ, поговорили: сначала очень шумѣли, очень. Я даже думала, что онъ ее... вы понимаете? Конечно, мужъ—провинціалъ, чего же вы хотите? А потомъ тише стало, и, слава Богу, дѣло у нихъ на ладъ пошло.

Пропорьевъ (*встревоженный*). Ты, баушка, не врешь ли чего?

Арина Пант. (*обидѣвшись*). Возьмите назадъ ваше выраженіе.

Пропорьевъ. Беру.

Арина Пант. Ей-ей, не вру. Дѣйствительно, я въ концѣ плохо слышала, потому что я въ шкапу сидѣла...

Пропорьевъ. Со страху?

Арина Пант. Я думаю, испугаешься! Мужчина рослый и провинціалъ. Ему ничего не стоитъ (*Движеніе.*) Утромъ я дѣйствительно не боялась, потому при дочери онъ не посмѣетъ, а тутъ въ гостиницѣ... Мало ли по гостиницамъ всякихъ убійствъ бывало!

Пропорьевъ. Тутъ что-нибудь не такъ. Должно-быть со страху напутала.

Арина Пант. Хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ, но я очень рада.

Пропорьевъ (*усмѣхаясь*). Что же это васъ такъ радуетъ?

Арина Пант. Какъ что, помилуйте! Развѣ мнѣ легко было видѣть, какъ моя родная дочь и въ такомъ двусмысленномъ положеніи при всей ея красотѣ и добрыхъ правилахъ?

Пропорьевъ. Такое здоровое сужденіе дѣлаетъ честь вашему уму и сердцу. И что же, Нина Александровна совсѣмъ переѣхала въ вашъ домъ или еще вернется?

Арина Пант. Думаю, еще заѣдетъ. Ну, вы меня извините, я укладкой занялась, чтобы сегодня же намъ и... (*Входитъ справа Елена Федоровна*) А! (*Запахиваясь, скрывается къ себѣ. Изъ-за дверей*) Извините за неглиже. Я сейчасъ выйду. (*Скрывается направо.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Пропорьевъ и Елена Федоровна. **)

Пропорьевъ. Bonjour, madame...

Елена Федор. Bonjour... Нина Александровна у себя?

Пропорьевъ. Нѣтъ, я самъ зашелъ къ ней, да вотъ и заболтался съ Ириной Пантелеймоновной.

Елена Федор. *) Ah, mon Dieu! Что же мнѣ дѣлать? Я сказала мужу, чтобы онъ отъ полицеймейстера заѣхалъ за Вѣрой Андреевной и привезъ бы ее сюда. Намъ нужно рѣшить окончательно нашъ образъ дѣйствій. Знаете, надо ковать желѣзо, пока горячо.

Пропорьевъ. Превосходная система.

Елена Федор. (*сидясь нальво*). Я была въ одиннадцати домахъ и пришла къ убѣжденію... Фу, какъ жарко! Я пришла къ убѣжденію... Пожалуйста, стаканъ воды... (*Пропорьевъ быстро подаетъ. Съ очаровательной улыбкой*) Merci... (*Пьетъ воду. Отдавая стаканъ, слегка дѣлаетъ ему глазки. Пропорьевъ отвѣчаетъ тѣмъ же.*) Боже мой, что я говорила?

Пропорьевъ. Вы пришли къ какому-то убѣжденію.

Елена Федор. Да! Я пришла къ убѣжденію, что... Ахъ, Боже мой, ну, я забыла. Какъ это смѣшно: мы съ вами вдругъ очутились tête-à tête!

Пропорьевъ. Такое ужъ мое счастье!

Елена Федор. Развѣ это для васъ счастье?

Пропорьевъ (*подсаживаясь*). А вы этого не знаете? Нѣтъ, нѣтъ, вы не хитрите со мной: вы этого не знаете?

Елена Федор. (*всплеснувъ руками*). А-а-а-а! Вы влюблены въ Нину—и говорите мнѣ такія вещи! Ну, можно ли вамъ, мужчинамъ, вѣрить?

Пропорьевъ. Я согласенъ, что не слѣдуетъ... А вы все-таки повѣрьте, намъ обоимъ лучше будетъ. Вѣрите?

Елена Федор. Ахъ, Боже мой, чему же я должна вѣрить?

Пропорьевъ. Тому, что я околдованъ.

Елена Федор. Вашей красавицей?

Пропорьевъ. (*страстно*). Вами!

Елена Федор. Такъ скоро?

Пропорьевъ. Развѣ молнія сверкаетъ долго? Одинъ мигъ—и пожаръ готовъ. А какая молнія сравнится съ этимъ взглядомъ?

Елена Федор. Развѣ у меня такъ хороши глаза?

Пропорьевъ. Въ васъ все удивительно.

Елена Федор. Нѣтъ, серьезно?

Пропорьевъ. Я такими вещами никогда не шучу.

Елена Федор. Ахъ, Боже мой, а мой мужъ?

Пропорьевъ (*слегка обнявъ ее за талию*). Онъ далеко... онъ не узнаетъ...

Елена Федор. Нѣтъ, нѣтъ... ни за что.

Пропорьевъ. Одинъ поцѣлуй.

Елена Федор. Вы—демонъ.

(*Пропорьевъ ее цѣлуетъ*).

Арина Пант. (*высовывая голову изъ-за двери*). Извините, пожалуйста. Я сейчасъ... (*Скрывается.*)

*) П., А. П.

**) П., Е. Ф.

*) Переходитъ Е. Ф., П.

Елена Федор. *) А! Боже мой! Вы меня погубили!

Пронорьевъ (цѣлуя ее). Она подслѣповата!

Елена Федор. Но она слышала..

Пронорьевъ. Она глуха на правое ухо. Гдѣ ны увидишься? Когда?

Елена Федор. Сегодня вечеромъ, въ лѣтне- ный собраніи, вторая аллея направо, у бесѣд- ки. (*Стукъ въ дверь и юлосъ Курчина: „можно войти?“*). Ахъ, это ты, Евтихій Ва- сильевичъ? (*Входитъ Курчинъ*.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же и Курчинъ.

Курчинъ. Вѣра Андреевна еще не возвра- щалась. Я оставилъ записку. Здравствуйте, до- рогой Георгій Дмитриевичъ... А гдѣ же наша милая хозяйка?

Пронорьевъ. Арина Пантелеймоновна сказа- за мнѣ, что она сейчасъ будетъ. Вотъ мы ея и ожидаемъ. А я хочу вамъ дать совѣтъ, ваше превосходительство.

Курчинъ. Какой?

Пронорьевъ. Никогда не слѣдуетъ торо- питься.

Курчинъ. Какъ такъ? Что такое? Почему? Я и такъ опоздалъ.

Пронорьевъ. И это нехорошо. Надо при- ходить во время.

Елена Федор. Этого съ нимъ еще ни разу не бывало. Гдѣ ты пропадалъ, Евтихій Ва- сильевичъ?

Курчинъ. Какъ гдѣ пропадалъ? Ты же меня командировала къ полицеймейстеру.

Елена Федор. (*живо*). Говорилъ съ нимъ?

Курчинъ. Какъ же! Всю исторію рассказалъ.

Елена Федор. Ну, а онъ что?

Курчинъ. А онъ мнѣ посоветовалъ съѣздить къ жандармскому полковнику.

Елена Федор. Поѣхалъ?

Курчинъ. Поѣхалъ, и ему всю исторію раз- сказалъ.

Елена Федор. Что же онъ?

Курчинъ. А онъ меня къ прокурору по- слалъ.

Пронорьевъ. И ему всю исторію разска- залъ?

Курчинъ. Разсказалъ.

Елена Федор. Ну, а онъ что же?

Курчинъ. Съѣздите, говорить, къ мировому судѣ. Эличка, я ужъ къ нему завтра поѣду. Я еще не обѣдалъ.

Елена Федор. Ну, вотъ еще глупости! Из- вольте ѣхать сейчасъ!

Курчинъ. Какъ прикажешь, душечка, толь- ко вѣдь теперь и мировой судья обѣдаетъ. Ужъ такой часъ. (*Идетъ. Входитъ Нина Алек-*

сандровна. Елена Федоровна бросается къ ней). *)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и Нина Александровна.

Елена Федор. Наконецъ-то! Ah, mon Dieu, что съ вами? На васъ лица нѣтъ! (*Пронорь- евъ молча наблюдаетъ за нею*).

Нина Алекс. Лучше бы я не видала ея! Послѣ годовъ, цѣлыхъ годовъ безотрадной хо- лодной жизни встрѣтить горячія ласки... и опять за прежнее, опять остаться одной... Уме- реть легче, легче въ тысячу разъ!

Елена Федор. Успокойтесь, дорогая моя!

Нина Алекс. Какъ они сибьютъ насъ раз- лучать! Она одна только въ правѣ оттолкнуть меня, но она помнитъ, любить меня... Какъ же они сибьютъ? Они ласкаютъ мою дочь, мою, мою, а я не смѣю даже выплакать съ ней на- единѣ мое горе! *И* хочу и любить, и ласкать ее, я... отдать ей послѣднія силы свои, привя- заться къ ней до безумія, до страсти, потому что ничего у меня нѣтъ кромѣ нея, потому что ея любовь, ея ласки—первый свѣтъ, первое счастье за всю мою безпросвѣтную жизнь. У нихъ есть и другая любовь, а я вся отдамъ одной... Она сама зоветъ меня, ищетъ... Нако- нецъ-то я нужна, любима... и въ эту минуту между нами становится чужая и мнѣ, и ей, судить меня, ея мать... распоряжается моей дочерью... гонить меня изъ моего дома!.. (*съ ненавистью*) Не прощу я ей этого! Скоро она увидитъ, какъ остры когти у затравленнаго звѣря! (*Входитъ Быкаева*) Или я добьюсь своего—или умру! (*Ходитъ, нервно ломая руки*.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и Быкаева. **)

Быкаева. Нѣтъ, мой другъ! Не все еще по- теряно!

Елена Федор. Eh bien! Что новаго?

Быкаева. Я рѣшилась сдѣлать послѣднюю попытку... поѣхала къ ней и, конечно, встрѣти- ла только оскорбленія. Этой сатанинской гор- дости недоступны высокія чувства смиренія и раскаянія. Тогда я сдѣлала рѣшительный шагъ: бросилась къ Софѣѣ Федоровнѣ, именемъ всего святаго заклинала ее принять подъ свое по- кровительство наше дѣло, и завтра въ часъ она ждетъ васъ къ себѣ. У нея будетъ одно лицо, которое можетъ все, рѣшительно все. Я, Нелѣпе, Фатѣева, Павла Петровна и Елизавета Васильевна съѣдемся къ ней же... и тогда уви- дить моя прелестная cousine, куда дѣнется ея дьявольская гордость. Двухъ дней не пройдетъ,

*) Н. А., Е. О., К., П.

**) Е. О., В., Н. А.; К.—въ глубинѣ, около него П.

*) Переходитъ. П., Е. О.

какъ вы вернетесь въ свой домъ, займете мѣсто подлѣ вашей дочери. А они пусть бѣгутъ хоть на край свѣта наслаждаться своей преступной любовью. А если они не захотятъ сдѣлать этого добровольно, такъ мы ихъ вышлемъ отсюда въ двадцать четыре часа. А теперь отдохните и соберитесь съ силами, Нина. Молитесь и надѣйтесь. Adieu.

Нина Алекс. Помогите мнѣ, Вѣра, иначе я съ ума сойду... я руки на себя наложу... (*Переходя налево* *) Не отдадутъ они мнѣ ея... не отдадутъ!... Я ему свободу предлагала, — онъ отказалъ. Я общала отнестись къ этой женщинѣ съ полнымъ уваженіемъ, — онъ оскорбилъ меня въ отвѣтъ. Сейчасъ Нюта умоляла его не разлучать насъ, — онъ насильно... Что дѣлать? Что дѣлать? Я по себѣ знаю: будь она сейчасъ со мной, въ моихъ рукахъ, — нѣтъ силы въ мірѣ, которая могла бы ее оторвать... Я всякую надежду потеряла... Нѣтъ для меня, видно, счастья, какъ не было и никогда... (*Плачетъ*.)

Елена Оедор. Вы съ нея глазъ не сводите. Я ее ненавижу!

Пронорьевъ. Вечеромъ я вамъ все объясню.

Елена Оедор. Проводите меня сейчасъ домой.

Курчинъ (*подходя къ Пронорьеву и жемъ*). О чемъ это вы шепчетесь?

Пронорьевъ. Тоже собираемся сдѣлать рѣшительный шагъ.

Курчинъ. Превосходно! Давно пора! Этакій мужъ...

Пронорьевъ. Да! Ужъ хуже не сыщешь!

Быкаева. Нелѣне! Нинѣ надо остаться одной... Ахъ! Истинное горе требуетъ не людской, а Божьей помощи.

Нина Алекс. Простите меня, милая Нелѣне, но я совсѣмъ изнемогла.

Елена Оедор. (*переходя къ ней и цѣлуя ее* **). О, я васъ понимаю! Отдохните, соберитесь съ силами, надѣйтесь и молитесь. Евтихій Васильевичъ, побѣждай къ судѣ, а меня проводитъ Георгій Дмитріевичъ ***). (*Переходитъ направо*.)

Курчинъ. Ужъ теперь совсѣмъ поздно. Впервые, Архипъ Семеновичъ залегъ уже послѣ обѣда спать, а во-вторыхъ, какой тутъ судья, когда Софья Оедоровна взялась. Эта, матушка, всѣхъ судей и самого Соломона за поясъ заткнетъ.

Елена Оедор. Пожалуйста безъ разсужденій! Надо ковать желѣзо...

Пронорьевъ. Пока горячо. Совершенно вѣрно. Побѣждайте, другъ мой, и поручите мнѣ вашу жену. Будьте покойны: я постараюсь ее развлечь.

Курчинъ. Ну, ужъ такъ и быть. До свиданія, Нина Александровна. Богъ милостивъ. (*Уходитъ*.)

Быкаева. И такъ, завтра въ часть. (*Елена Оедоровна* *). Завтра въ часть... (*Уходитъ направо*.)

Елена Оедор. *). Завтра въ часть. (*Прощаясь съ Ниной Александровной*) Calmez-vous, mon ange. Мы всѣ женщины — самыя несчастныя существа... Вотъ я и живу съ мужемъ, а... Ну, я когда-нибудь расскажу вамъ всю мою исторію. Она тоже очень драматична. Ну, ну, adieu. Завтра въ часть. (*Пронорьеву*) Вашу руку. (*Пронорьевъ предлагаетъ ей руку и уводитъ ее направо*.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Нина Александровна. потомъ **Арина Пантелеймоновна** **).

Нина Алекс. Наконецъ, одна... (*Входитъ Арина Пантелеймоновна*.)

Арина Пант. Что это? Ужъ уѣхали? Ну что, Ниночка? Видѣла дочку?

Нина Алекс. Видѣла.

Арина Пант. И съ мужемъ на ладъ пошло?

Нина Алекс. Не знаю, ничего не знаю. Что со мной будетъ — я подумать боюсь. Или ужъ такое счастье, какого я и не стою, или... (*Дѣлаетъ рѣшительный отчаянный жестъ*.)

Арина Пант. И дай тебѣ Богъ, дай тебѣ Богъ...

Нина Алекс. (*задумчиво*). Какъ все это ново и странно... Кто-то живетъ мною, забывая себя... Милые, чистые глазки смотрять въ самую душу... ловятъ каждый мой взглядъ, только меня и видятъ... Какъ бы хотѣлось теперь успокоиться, замереть, затихнуть подлѣ нея... а вмѣсто того... Невыносимо! (*Встаетъ*.)

Арина Пант. Значить, не все еще уладилось?

Нина Алекс. (*нервно сжимая руки, глубоко задумавшись, ходитъ быстрыми, рѣзкими шагами, опустивъ голову*). Какъ меня крутитъ судьба! Точно лечу и теперь въ пропасть, хватаюсь голыми руками за острые камни, и все, что вокругъ меня и во мнѣ самой, несетъ меня какъ вихрь въ бездонную, непроглядную тьму. А вотъ оно, спасенье... тутъ, рядомъ... кажется, стоитъ только руку протянуть — и все кончено, все спасено... Нѣтъ! Точно стѣна какая вырастаетъ передъ тобой... и всѣ, всѣ туда толкаютъ, — туда, въ глубь, въ тьму... Даже моя прежняя жизнь впиалась въ меня своими дѣпкими когтями, тянетъ туда же... И опять безнадежная, мертвая тоска!

Арина Пант. Ты бы прилегла, Ниночка, соснула...

*) Н. А., Б., К., Е. О., П.

**) Н. А., Е. О., Б., К., П.

***) Н. А., Б., Е. О., К., П.

*) Н. А., Е. О., П.

**) А. П., Н. А.

Нина Алекс. Нѣтъ, ужъ нѣдолго не спать. Какой тутъ сонъ, когда каждая жилка во мнѣ живетъ и дрожить, мысль за мыслью бьетъ точно молотомъ... грудь рвется отъ напора надежды, страха, отчаянія, тоски... Ахъ, какой тутъ сонъ... только бы сума не сойти!

Арина Пант. Нина, я боюсь за тебя... опомнись, что съ тобой? Можно ли такъ?...

Нина Алекс. *(внезапно)* Слушай... Знаешь? Я проберусь къ ней, какъ стемнѣетъ... черезъ садъ... Я вѣдь все помню, хорошо помню... Я хочу ее видѣть... Если-бы ты знала, какъ она меня любитъ... Пойду къ ней. Будь что будетъ!

Арина Пант. Что ты, Нина, да тебя не пустятъ. Ее теперь какъ, чай, стерегутъ.

Нина Алекс. Кто?

Арина Пант. И мужъ, да и она...

Нина Алекс. Она! Опять она! Только она одна стоитъ между нами... Не будь ея... *(Входитъ лакей.)*

Лакей. Ольга Николаевна Гаранина желаетъ васъ видѣть.

Нина Алекс. Что?! Кто?!

Лакей. Гаранина, Ольга Николаевна.

Нина Алекс. А! *(Пошатнувшись, но быстро овладѣвъ собой.)* Зови. *(Лакей уходитъ.)* Побѣда за мной! *(Оправляется и спокойно садится въ кресло. Входитъ Ольга Николаевна.)*

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и Ольга Николаевна *).

Нина Алекс. *(надменно)*. Что вамъ угодно отъ меня?

Ольга Никол. Я бы желала говорить съ вами наединѣ.

Нина Алекс. Какіе у насъ съ вами могутъ быть секреты!

Ольга Никол. Вы знаете какіе.

Нина Алекс. Эти секреты вы давно сдѣлали общими достояніемъ. Да и о чемъ намъ съ вами говорить? Ни въ какія сдѣлки я съ вами вступать не желаю.

Ольга Никол. *(вспыхнула и сдержалась)*. Ваши оскорбленія совершенно безцѣльны. Я здѣсь... у васъ... Я думаю, даже вы сами не найдете мнѣ худшаго оскорбленія.

Нина Алекс. Матап, оставьте насъ. *(Арина Пантелеймоновна уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Нина Александровна и Ольга Николаевна **).

Нина Алекс. Ну, мы однѣ.

Ольга Никол. Я... уѣзжаю изъ дома вашего мужа.

Нина Алекс. *(подавивъ волненіе, спокойно)*. Давно пора.

Ольга Никол. Это мое дѣло. Я прошу васъ поторопиться вашимъ переездомъ.

Нина Алекс. *(глядя на нее пристально)*. Развѣ это васъ касается? Это дѣло мое и моего мужа. Не спорю, вы слишкомъ долго владѣли чужой семьей и принимаете въ ней горячее участіе. Но я въ правѣ не признавать вашего мнѣнія и не дѣйствовать такъ, какъ вамъ это кажется лучшимъ и удобнымъ. Я привыкла сама распоряжаться своимъ.

Ольга Никол. Но я и не требую. Я только прошу. Я не хочу, чтобы Нюта когда думать, что я стала между вами, когда вы сами захотѣли вернуться къ ней и къ ея отцу.

Нина Алекс. Она этого не подумаетъ. Она скоро увидитъ разницу нашихъ правъ и нашихъ положеній и скоро убѣдится, что если можетъ кто-нибудь стать между мужемъ и женой, между матерью и дочерью, то во всякомъ случаѣ не наложница.

Ольга Никол. Кого вы называете этимъ именемъ? Меня или...

Нина Алекс. *(выпрямляясь во весь ростъ, опираясь рукой на столъ)*. Тѣхъ, кто его заслуживаетъ. Я знаю, это часто бываетъ. Не трудно разыгрывать изъ себя жертву общественныхъ условій и занимать съ гордостью и достоинствомъ свое положеніе незаконной жены. Это роль благодарная. Не трудно подавлять своей добродѣтелью, когда не знаешь и не можешь знать, что есть страсти и порывы, которые коверкаютъ жизнь. Не трудно даже захватить сердце чужой дочери и поселиться въ немъ, опираясь на дѣтскую привязчивость. Но когда къ дочери приходится мать, тогда маски спадаютъ и остается одно: бѣжать со стыдомъ. И бѣжать все-таки безопаснѣе, чѣмъ ждать, пока выгонять.

Ольга Никол. Вамъ это лучше знать.

Нина Алекс. *(въ бышинствѣ подходитъ къ ней съ сверкающими глазами)*. Что?! Вы смѣете!

Ольга Никол. Я смѣла бы еще больше, если бы не жалѣла васъ. Но нѣтъ васъ искренно жалѣ. Вамъ нужно меня оскорблять, чтобы подняться въ собственныхъ глазахъ и убѣдить себя, что вы стоите выше, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Вы хотите увѣрить себя, что вы имѣете право требовать того, что на самомъ дѣлѣ можете получить только какъ милость. Я жалѣю васъ и прощаю вамъ.

Нина Алекс. *(внѣ себя)*. А если я не приду этой милости? Если я докажу вамъ, что и моя дочь, и все общество, и самъ законъ дадутъ мнѣ эти права?

Ольга Никол. *(сильно возбужденная)*. Нѣтъ! Еслибъ я захотѣла, ваша дочь узнала бы правду, и не любовь, а развѣ одно состраданіе

*) А. П., Н. А., О. Н.

**) Н. А., О. Н.

встрѣтили бы вы въ ней. Еслибъ я захотѣла, законъ наказалъ бы васъ, какъ невѣрную жену, и я заняла бы положеніе, передъ которымъ преклонилось бы общество. Но я не затѣйшла, чтобы считаться съ вами. Мнѣ нужно сказать вамъ другое.

Нина Алекс. *(съ сдержанной ненавистью, закусивъ губы, смотритъ на нее)*. Говорите!

Ольга Никол. Ваше мѣсто свободно. Этого хотеть ваша дочь, и ея желаніе въ этомъ дѣлѣ для меня законъ. Ея волѣ я повинуюсь и уступаю вамъ... Вы женщина можетъ - быть гордая, можетъ-быть безжалостная, мстительная... я не знаю васъ совсѣмъ... но вы все-таки женщина, и я рѣшаюсь еще разъ просить васъ... Я вамъ отдаю дѣвушку, которая нѣтъ такъ же дорога, какъ, положимъ, и вамъ... и можетъ-быть еще дороже. Я научила ее любить и уважать память о васъ. Вы сегодня убѣдились въ этомъ... Я стала ея врагомъ, потому что вы этого захотѣли. Но теперь я схожу съ вашей дороги,—я не буду больше препятствіемъ вашимъ правамъ или вашимъ цѣлямъ. Вы останетесь съ ней, владѣя каждымъ ея чувствомъ, каждой ея мыслью... Будьте великодушны... Забудьте все зло, которое вы нѣтъ приписываете, и оставьте ей память обо мнѣ... такой же чистой, какъ и моя любовь къ ней... Клянусь вамъ... я горячо... какъ умѣла... любила ее...

Нина Алекс. И ея отца?

Ольга Никол. *(вздрыгнувъ, гордо и рѣшительно поднимая голову)*. Да! И ея отца!

Нина Алекс. Чиста же ваша любовь! Послѣдняя интриганка, падшая женщина сдѣлала бы тоже для дочери своего любовника.

Ольга Никол. Вы уже рѣшились сказать это дѣвушкѣ, почти ребенку. Раньше васъ ей пытались говорить это тѣ же люди, которые вамъ прощаютъ все и стараются очистить вамъ мѣсто въ семьѣ, вами брошенной. Вы всѣ не пощадили самыхъ святыхъ чувствъ дѣвочки... вашей дочери. И пускай теперь она ненавидитъ, даже презираетъ меня... Но, когда она станетъ женщиной, когда она сама полюбитъ, она пойметъ меня. Она пойметъ, что я не хотѣла оправдываться, чтобы не марать имени ея матери и не заставлять дочь краснѣть за нее.

Нина Алекс. Вы щадили меня?! Вы, любовница моего мужа, интриганы и хитростью забравшаяся въ мой домъ, въ сердце моей дочери, укравшая у меня все, чѣмъ дорожитъ женщина?

Ольга Никол. Гдѣ же вы были, когда я это дѣлала? Отчего вы тогда не встали на защиту вашего дома, вашей семьи, вашей дочери? Кто бы смѣлъ у васъ отнять эти святыя права, если бы вы сами не бросили ихъ, какъ ненужную тряпку? Развѣ я знала васъ? Развѣ вы знали сенью, которая стала моей,

гдѣ каждый уголокъ мнѣ близокъ, мнѣ дорогъ? Но вы законная жена, и вамъ все прощаютъ! Вы могли дѣлать, что хотѣли, и опять вернуться въ общество, сохранить свое имя, окружить себя почетомъ и уваженіемъ. А я—интриганка, потому что смѣла полюбить человѣка, убитаго вашей извѣстной. Я преступница, потому что воспитала чужую дочь, какъ свою. Я—падшая женщина, потому что спасла васъ отъ грязнаго процесса и возвращаю вамъ все, чему я отдала мою жизнь, мою душу... мою честь!

Нина Алекс. Очень жаль, что я, въ благодарность за ваше великодушіе, не могу вамъ всего этого вернуть. Есть потери невозвратныя.

Ольга Никол. *(съ нервнымъ негодованиемъ)*. Не глушите надъ чужимъ горемъ! Это недостойно женщины... Я къ вамъ пришла не съ тѣмъ, за что можно оскорблять, но... я вижу васъ теперь хорошо. Для васъ ваша дочь только ступень, и вы спокойно ступаете на нее ногой, чтобы войти въ вашъ домъ...

Нина Алекс. Неправда!

Ольга Никол. Правда, тысячу разъ правда... Нельзя играть покоемъ и сердцемъ ребенка, какъ это дѣлаете вы... Кто любить, такъ поступать не можетъ... Отчего вы не предупредили о вашемъ пріѣздѣ? Чтобы только не возмущать ея покоя, я ушла бы, и на ея глазахъ не разыгралась бы эта ужасная сцена... ей не пришлось бы рѣшать такихъ вопросовъ, которые еще и касаться ея не должны.

Нина Алекс. Я отвѣчаю за ея покой, я одна...

(Пропорьева показывается на балконъ и останавливается тамъ, то показываясь, то скрываясь.)

Ольга Никол. Нѣтъ, вы ее родили и бросили, а для меня она—все... Каждый ея взглядъ, каждую ея мысль я вырастила... я взлелѣвала. Не прихоть, не страсть сблизили меня съ ея отцомъ, а она. Изъ брошенныхъ вами обломковъ я сплотила семью, изъ дѣвочки я сдѣлала человѣка—и отдаю все вамъ... Я сердце свое ломая пополамъ, а вы издѣваетесь надо мной на краю моей могилы.

Нина Алекс. Да, издѣваюсь, потому что я васъ ненавижу. Вы полюбили моего мужа, хорошо. Надъ сердцемъ нѣтъ власти, и это я могу вамъ простить. Но вы дочь мою отъ меня оторвали и смѣете еще просить меня оставить ей память о васъ? Нѣтъ, я вырву съ корнемъ это воспоминаніе изъ ея души. Вы говорите, она пойметъ и проститъ васъ потомъ... Никогда! Она узнаетъ, какъ я страдала, какъ жгла меня моя бездомная, одинокая жизнь въ то время, когда вы грѣлись у моего очага. Когда она полюбитъ и станетъ матерью, она пойметъ и проститъ... не васъ, а меня. И вы не спасетесь отъ этого вашего смирненнаго удаленія.

Я не принимаю ваших уступокъ. Я сама возьму, что принадлежит мнѣ—моей дочь, и отдамъ вамъ то, что захватили вы—моего мужа *).

Ольга Никол. Какъ! Заставить ее пережить этотъ безобразный дѣлежъ... (*Хватаясь за голову.*) Боже мой, какой ужасъ... Ничего я не хочу, ничего... Отдаю вамъ все, все... Ничего не прошу взаменъ. (*Съ замученными рыданиями въ слезы.*) Пусть она забудетъ меня... пусть я буду въ ея глазахъ всѣмъ, чѣмъ считаютъ меня остальные... Отказываюсь я безповоротно ото всего прошлаго ради тебя, моя Нюта...

Нина Алекс. Ваша?!

Ольга Никол. Нѣтъ, не моя уже... не моя... Ваше мѣсто свободно... совсѣмъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Нина Александровна и Пропорьевъ.

Нина Алекс. (*дома послѣ ухода Ольги Николаевны стоитъ съ опущенной головой. Потомъ быстро, внезапно поднимаетъ голову.*) Нѣтъ! Мнѣ и себя пожалѣть надо. И мнѣ вѣдь счастья хочется... (*Идетъ къ дверямъ во внутреннія комнаты.*)

Пропорьевъ (*выйдя на сцену*). Превосходный дуэтъ! Клянусь честью! **).

Нина Алекс. (*вздвинувъ, съ болѣзненнымъ взглядомъ*). Вы здѣсь?

Пропорьевъ. И былъ все время. Вы были великодушны, она трогательна... я доволенъ. (*Киваетъ головой.*) Но... маленькое «но». Гдѣ же мужскія партіи? Я изображалъ изъ себя скорѣе карриатида тамъ, на балконѣ, чѣмъ человека, котораго тоже не худо бы послушать. Согласитесь, что это обидно моему самолюбію. Не спѣтъ ли намъ теперь дуэтъ для финала?

Нина Алекс. Слушайте! Я совсѣмъ обезсилена! Ради Бога, если въ васъ есть хоть капля жалости, не мучайте меня.

Пропорьевъ. Что вы, что вы! Зачѣмъ мнѣ васъ мучить? Вы слышите, я начинаю этотъ дуэтъ въ игривомъ тонѣ. Отъ васъ зависить продолжать въ томъ же духѣ. Итакъ, вы прогнали кушечку и сами садитесь въ свое гнѣздо?

Нина Алекс. (*послѣ молчанія*). Да.

Пропорьевъ. (*утвердительно*). Ага! Такъ. Теперь какъ же вы меня, сироту, думаете устроить? На кого вы меня, побѣдную головку, покидаете?

Нина Алекс. На что я вамъ нужна, ради Бога? Вѣдь не думаете же вы, въ самомъ дѣлѣ, что у меня есть тѣ деньги, которыя вы отъ меня требуете. (*Быстро отворяетъ ши-*

фоньерку.) Вотъ все, что у меня есть: тысячъ восемнадцать. Вотъ мои брилліанты... возьмите все и забудьте меня.

Пропорьевъ. Фи! фи! За кого вы меня принимаете! Деньги я еще пожалуй возьму на сохраненіе, чтобы здѣсь онѣ въ гостиницѣ не пропали. (*Кладетъ деньги въ карманъ.*) Но брилліанты... Нѣтъ, нѣтъ... Они вамъ будутъ нужны въ большомъ свѣтѣ, куда вы собираетесь.

Нина Алекс. И такъ, все кончено? Я свободна?

Пропорьевъ. Ангелъ мой, когда же вы были несвободны?! Напротивъ, я всегда былъ вашимъ работникомъ и желаю мнѣ остаться до могилы.

Нина Алекс. (*съ нетерпѣніемъ, нервно*). Бросьте же, наконецъ, этотъ тонъ и объяснитесь откровенно.

Пропорьевъ. Извольте. (*Встаетъ.*) Триста тысячъ.

Нина Алекс. Гдѣ же я ихъ возьму?

Пропорьевъ. У мужа.

Нина Алекс. Онъ откажетъ навѣрное.

Пропорьевъ. Не откажетъ, если вы дадите ему разводъ.

Нина Алекс. А моя дочь?

Пропорьевъ. Простите, но ей-ей, не мнѣ же вѣрить вашимъ материнскимъ чувствамъ. Просто вы ищете положенія въ обществѣ—и больше ничего.

Нина Алекс. Ничего?!

Пропорьевъ. Ничего. Пойдите. Давайте говорить толкомъ. Это положеніе дамъ вамъ—я.

Нина Алекс. Вы?

Пропорьевъ. Выслушайте вниательно, и вы увидите, какую блестящую перспективу я создаю для васъ. Положите, вы теперь переѣдете къ мужу. Хорошо. Что же васъ ожидаетъ? Двухъ дней вы тамъ не пробудете, за это я—слышите?—я вамъ ручаюсь. Надѣюсь, вы мнѣ повѣрите. (*Смотритъ на нее.*)

Нина Алекс. Продолжайте.

Пропорьевъ. И если вы не уйдете отъ вашей дочери сами, то она отъ васъ убѣжитъ. За это опять-таки я вамъ ручаюсь. Пойдите. Я вамъ предложу другой выходъ, при которомъ вы не только приобретете большія средства и положеніе, но... и вашу дочь.

Нина Алекс. Да говорите же!

Пропорьевъ. Дайте вашему мужу разводъ и выходите замужъ... за меня.

Нина Алекс. (*пораженная*). Какъ?! Что?

Пропорьевъ. Сперва, конечно, взявши съ мериноса круглую цифру приданого. За этимъ онъ не постоитъ. А когда вы будете не соломенной вдовой, не дамой, прожигающей жизнь съ неяснымъ прошлымъ, безъ мужа, даже безъ опредѣленнаго мѣста жительства, а моей женой—подумайте хорошенько, посмѣетъ ли тогда

*) Переходить на право. О. Н. и Н. А.; П. въ клубнѣ, на балконѣ.

**) П., Н. А.

отецъ запретить вашей дочери жить съ вами? Посиѣть ли онъ сказать: твоя мать недостойна тебя? Какъ!? Онъ сень или таиъ десять лѣтъ держалъ се рядомъ съ своей любовницей и сиѣтъ ве пускать ее къ матери, у которой есть мужъ, домъ, положеніе, все?! Ого! Поглядишь, какъ онъ тогда запоетъ! Итакъ, ниѣю честь просить вашей руки.

Нина Алекс. Я—ваша жена?

Пронорьевъ. Нѣтъ, вы посмотрите, какой я буду мужъ. Ей-же-ей я самъ въ восторгѣ. Я вѣдь тоже усталъ... какъ это вы выражаетесь?... отъ этой пустоты... Мнѣ тоже хочется своего камелька... Знаете—каминъ, тупля, утренный кофе en famille... Все это очень мило... Особенно въ этомъ городкѣ... Нѣсколько милыхъ дамъ, Елена Оедоровна наприимѣръ, этакій свой кружокъ... И тутъ же молодая дѣвушка... Будемъ ее вывозить... Занужъ выдадимъ... Право вы должны согласиться. Я для васъ измѣняю принципамъ всей жизни и женюсь.—Тутъ и волки сыты и овцы пѣлы... Ну, по рукамъ?!

Нина Алекс. Я—ваша жена?! Ваша жена?

Пронорьевъ. А я вашъ мужъ! Отлично!

Нина Алекс. И моя дочь рядомъ съ вами? Въ одномъ домѣ? Нѣтъ, до этого я еще не дошла! (*Переходитъ въ сильномъ волненіи* *).

Пронорьевъ. За что такая немилость?

Нина Алекс. Говорить мнѣ объ этомъ не сиѣй! Моя дочь чужая тебѣ. Со мной ты могъ дѣлать, что хотѣлъ, а ея я не дамъ тебѣ касаться, взглянуть на нее не дамъ. Слышишь? Не дамъ! Не шути со мной! Когда человѣкъ бьется за свое послѣднее счастье, онъ на все пойдетъ. Не шути со мной! (*Идетъ къ дверямъ*.)

Пронорьевъ. Ну, такъ не видать тебѣ ни ея, ни мужа какъ ушей своихъ.

Нина Алекс. (*быстро вернувшись къ нему, смотритъ на него. Глаза ея наполняются слезами*). Георгій... я любила тебя... Пожалѣй меня. Я вѣдь не нужна тебѣ. Я ужъ не могу по-прежнему служить твоимъ цѣлямъ. Я разбитая, близкая къ безумію женщина... Нѣтъ ужъ моихъ силъ больше. Послѣднія я напрягла сегодня. Я послѣднюю совѣсть, послѣднюю жалость въ себѣ заглушила. Я не щадила ни мужа, ни дочери, ни этой несчастной, чтобы добиться своего, потому что отъ этого зависить моя жизнь или смерть. Ты слышишь? Жизнь или смерть!

Пронорьевъ. Слышу, слышу!

Нина Алекс. Нѣтъ ужъ во мнѣ ничего для прежней жизни... Умерло все... И давно... Отпусти меня къ дочери... Съ ней я вся, всей душой,—всѣмъ существомъ измѣняюсь... другой стану рядомъ съ ней... Я все, все искуплю. За что же ты меня отрываешь отъ этого рая,

отъ этого спасенія моего?... Георгій, Георгій... Пожалѣй меня!

Пронорьевъ. Все это пустяки.

Нина Алекс. Пустяки?!

Пронорьевъ. Истерика—и больше ничего. Я тебѣ сказалъ мое рѣшеніе, и его не только ты, а и я самъ поколебать не могу.

Нина Алекс. (*дрожа отъ злобы*). Что же это за каторга такая!

Пронорьевъ. Надо быть вѣрной хоть кому-нибудь, мой другъ! Нельзя такъ порхать съ цвѣтка на цвѣтокъ.

Нина Алекс. (*съ крикомъ*). Да откуда же мнѣ взять эти деньги, чтобы швырнуть въ лицо этому негодяю!

Пронорьевъ. Тихе, тихе! А то наменька опять въ шкапъ полѣзетъ отъ страху. Крикомъ ничего не подѣлаешь. А вотъ что: садись-ка къ столу, да и пиши мужу: «милый другъ, я погорячилась»... Или нѣтъ... не такъ. «Уплатите мнѣ триста»... нѣтъ, мало—«пятьсотъ тысячъ, и я отступаюсь отъ всѣхъ моихъ правъ и даю вамъ полную свободу». Получишь эти денежки, а такъ, пожалуй, воля ваша, можете и развѣхаться навсегда. Пиши.

Нина Алекс. Строки не напишу. Если ужъ такъ, вотъ мое послѣднее слово: завтра я переѣзжаю къ мужу и посмотрю, что ты со мной сдѣлаешь.

Пронорьевъ. Что? Разсказать? Изволь. Впервые, всплыветъ на свѣтъ Божій исторія о духовномъ завѣщаніи покойнаго Алкашинова, появятся записочки твои къ застрѣлившемуся графу Осеньеву, да и еще многое множество...

Нина Алекс. Ты не посиѣшь этого сдѣлать! Ты самъ...

Пронорьевъ. Ничего я самъ. Я слѣдовъ не оставляю, да и терять мнѣ нечего. Но это все цвѣточки. А вотъ ягодки. Въ самый день твоего переѣзда я явлюсь къ тебѣ и на глазахъ твоей дочери, да и при каждомъ удобномъ случаѣ на глазахъ всего общества обойдусь съ тобой, какъ съ моей любовницей. До малѣйшихъ подробностей освѣщу твое прошлое. Словомъ, именно этого покоя, котораго ты ищешь, я тебѣ и ве дамъ. Я съ четырехъ угловъ подпалю твой семейный очагъ, и ты волей-неволей покинешь его. Ты мой единственный другъ, другъ мнѣ необходимый, и я возьму тебя живую или мертвую.

Нина Алекс. (*сосредоточенно, странно глядя на него*). И такъ, нѣтъ мнѣ отъ тебя спасенія? Не вырваться мнѣ изъ твоихъ рукъ?

Пронорьевъ. Это не руки: это—цѣпи, кандалы желѣзные. На кого я ихъ разъ наложилъ, своей волей не снимешь. Ты все могла сдѣлать гениально: обезсилить враговъ, привлечь къ себѣ дочь, весь городъ... Одного ты не считала, что нельзя на снарку пустить всего прошлаго, что ты кукла въ моихъ рукахъ,

*) Н. А., П.

которую я дергаю за ниточки. Поэтому будь павилькой, не бейся головой объ стѣну, — все равно не проломишь. Обойдись безъ трагедій, напиши мужу письмо и останься вѣрна преж-
нему!

Нина Алекс. Да? Ты думаешь? Такъ нель-
зя, по-твоему, пустить прошлаго на смарку?
Можно! Ты первый толкнулъ меня въ грязь,
ты изъ меня сдѣлалъ послѣднюю тварь... те-
бѣ все мало... до конца жизни быть въ тво-
ихъ проклятыхъ рукахъ и не видѣть просвѣта?
Служить тебѣ вѣчно доходной статьей... Разор-
ву же я эти кандалы! Разорву! (*Быстро под-
ходитъ къ шифоньеркѣ и, доставъ склян-
ку, выпиваетъ до дна. Бросивъ склянку
къ ея ногамъ.*) Вотъ ваши цѣпи! *).

Пронорьевъ. Что ты сдѣлала?

Нина Алекс. Освободилась.

Пронорьевъ (*хватая ее за руку*). Какой
ядъ? Какой ядъ?

Нина Алекс. Вѣрный. Будь покоенъ.

Пронорьевъ. Погубила ты себя и меня,
супаспешная. (*Быстро уходитъ.*)

Нина Алекс. Мама... Мама... (*Входитъ
Арина Пантелеимоновна.* **)

ЯВЛЕНИЕ X.

**Нина Александровна и Арина Пантелей-
моновна.**

Нина Алекс. Сейчасъ поѣзжай къ мужу...
скажи ему, что я прошу его... Умоляю...
привезти сойчасъ же ко мнѣ... Нюту...

Арина Пант. Нина...

Нина Алекс. Скажи ему, что я умираю...
Ни слова... (*Выталкиваетъ ее.*) Ну, вотъ...
все кончено... всѣ свободны... И я! (*Подхо-
дитъ къ столу и пишетъ*) «Прошу никого
не винить въ моей смерти». Смерти... Смерть
сейчасъ... неизбежная... докторъ говорилъ:
морфій усыпляеть... безъ мученій... ужасъ
какой... одна... и тутъ одна — опять одна...
Неужели одной умереть... Ай! страшно... Что
я сдѣлала? Зачѣмъ... одна... Уйти, убѣжать
отсюда... къ нимъ... они простятъ... (*Бѣ-
житъ къ дверямъ. Навстрѣчу выбѣгаетъ
Нюта*). А! Нюта моя... (*Судорожно обви-
маетъ ее и, сама падая въ кресло нальво,
сажаетъ и ее рядомъ, не выпуская изъ
рукъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XI.

Нина Александровна и Нюта *).**

Нюта. Мама, я къ тебѣ. Я не вынесла...
Я убѣжала... Мнѣ нужно видѣть тебя...

Нина Алекс. Какъ я виновата предъ тобой...

Нюта. Мама, не надо... я не хочу ничего
слышать... Я знаю одно: ты будешь со мною
и отдохнешь... Я все тебя заставлю забыть...
Я такъ любить тебя буду...

Нина Алекс. Дѣвочка моя, слушай меня...
и помни, что я скажу... помни всю жизнь...
Отецъ твой и Ольга Николаевна правы — я
сама бросила тебя и его. Я забыла мою семью
и жила... не хорошею жизнью.

Нюта (*блѣдная, поднимается и отша-
тывается*). Что?! Мама! Ты?! Ты!

Нина Алекс. Нюта, не отходи отъ меня...
я можетъ быть недолго проживу.

Нюта. Мама...

Нина Алекс. Я не давно заболѣла неизлѣчи-
мою болѣзнью... сердце... Помни же мои слова
всю жизнь... люби своего отца... это добрый
и честный человекъ... и если онъ захочетъ
дать тебѣ другую мать... которая достойнѣе
меня... люби ее, Нюта, люби меня въ ней.
Она много страдала и отказалась отъ своего
счастья... ради тебя...

Нюта. Мама, я не хочу этого слышать...
Ты поправишься...

Нина Алекс. Не знаю... не думаю... будь
готова ко всему... (*Быстро входитъ Во-
лынецъ*).

ЯВЛЕНИЕ XII.

Тѣ же и Волынецъ *).

Волынецъ. Нюта, что ты дѣлаешь со мной?
Не нужно было бѣжать отъ меня... Твоя мать
будетъ жить съ нами.

Нина Алекс. Сережа, прости меня... и ты,
моя дѣвочка... какъ Богъ простилъ меня... и
далъ мнѣ умереть... около васъ...

Волынецъ. Что?

Нина Алекс. (*блѣдная, еле держась на
ногахъ.* **) Дай мнѣ руку, Сережа... (*Цѣлу-
етъ его руку.*) Темно какъ стало... на смар-
ку... Завѣщаю ее твоей женѣ... А ты... Ню-
та... дочь моя... молись за твою... грѣшную
мать... (*Умираетъ. Нюта виль себя отъ
горя кидается къ ней.*)



*) П., Н. А.

**) А. П., Н. А.

***) Н. А., Н.

*) Н. А., Н., В.

**) Переходитъ къ нему. Н., Н. А., В.